

Санкт-Петербургский
государственный университет

2 – 4 марта 1999 г.

От редактора

Конференция «Проблемы фонетики и акцентологии балтийских языков» является второй в серии конференций по балтистике, планируемых Санкт-Петербургским государственным университетом. Наш Университет стремится к возрождению и развитию балтийских исследований в России, продолжая лучшие традиции русских учёных — Ф.Ф.Фортунатова и Б.А.Ларина. В 1995 году было возобновлено преподавание литовского языка, осенью 1999 году начнёт работу специализация по балтийской филологии для студентов старших курсов, которая в будущем должна стать самостоятельным отделением на филологическом факультете СПбГУ.

На этом пути большие надежды мы возлагаем на помощь зарубежных коллег, в первую очередь учёных из Литвы и Латвии. Весной 1998 года в Санкт-Петербурге состоялась первая конференция — Круглый стол «Балтийская филология», собравшая более 30 участников из 7 стран. В ближайшие десять лет мы предполагаем провести цикл ежегодных конференций «Балтистика в Петербурге», посвящая каждую отдельным аспектам изучения балтийских языков.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех, кому небезразлична судьба балтийских исследований, и чрезвычайно благодарны всем участникам за содействие и поддержку в этом непростом в наше время деле.

С признательностью отмечаем, что наше начинание в этом году нашло отклик со стороны Информационного бюро Совета Министров Северных стран в Санкт-Петербурге, чья финансовая поддержка оказалась весьма актуальной при проведении конференции.

Конференции по балтистике в СПбГУ

(время проведения — первая неделя марта)

- 1998 г. Круглый стол «Балтийская филология»
- 1999 г. *Фонетика и акцентология*
- 2000 г. Морфология
- 2001 г. Синтаксис
- 2002 г. Лексикология и лексикография
- 2003 г. Этимология и ономастика
- 2004 г. Историческая грамматика, история литературного языка
- 2005 г. Диалектология
- 2006 г. Стилистика и культура речи
- 2007 г. Психолингвистика, социолингвистика, компьютерная лингвистика
- 2008 г. Круглый стол «Балтийская филология»: 10 лет спустя

Секретарь организационного комитета

Алексей Андронов

e-mail: aleksey.andronov@pobox.spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания
Университетская наб., 11
199034 Санкт-Петербург, Россия
факс (812) 233 06 72

St.Petersburg State University
Philological faculty
Department of General Linguistics
Universitetskaya nab., 11
199034 St.Petersburg, Russia
fax (812) 233 06 72

Ilze Āboltiņa (Rīga)

Zilbju robežas modeļi latviešu literārajā valodā

1. Jautājums par zilbes robežu un vārdu dalīšanu zilbēs latviešu valodniecībā ir maz pētīts. Pašlaik ir noskaidroti tikai daži gadījumi, kā runas plūsma sadalās zilbēs, piemēram, ja starp īsu uzsvētu un īsu neuzsvētu patskani atrodas garš vai pusgarš līdzskanis, zilbju robeža ir līdzskanī.

2. Nosakot zilbju robežas, jāņem vērā: 1) līdzskaņu struktūra un skaits starp vokāļiem, 2) līdzskaņu savienošanās iespējas un secība, 3) vārda morfoloģiskā uzbūve, 4) dažos gadījumos arī izrunas stils, 5) blakus esošo troksneņu iespēja asimilēties balsīguma ziņā, 6) fonēmu pārmaiņas morfēmu sadūrā.

3. Referātā aplūkoti iespējamie divlīdzskaņu, trīslīdzskaņu un četrilīdzskaņu savienojumi latviešu literārajā valodā, kas rodas vārda vidū (divu zilbju sadūrā), un analizēta iespējamā zilbju robežas vieta pozīcijā *-VCCV-*, *-VCCCV-*, *-VCCCCV-*, *-VCCC* un *-VCCCC*. Zilbes robeža apskatīta no akustiskā un fonoloģiskā viedokļa. Referātā dots fonoloģisko un akustisko zilbju robežu modeļu salīdzinājums.

4. Latviešu valodā vārda vidū ir iespējami 8 divlīdzskaņu savienojumu tipi: *-RT-*, *-TR-*, *-RR-*, *-RS-*, *-SR-*, *-ST-*, *-TT-*, *-TS-*, *-SS-*^{*}. Produktīvākie divlīdzskaņu savienojumu tipi ir *-RT-* un *-TR-*. Visos divlīdzskaņu savienojumos, izņemot *-SR-*, *-TR-*, *-ST-* tipa līdzskaņu savienojumus, fonoloģiskā zilbju robeža ir aiz pirmā līdzskaņa. Savukārt *-SR-*, *-TR-* un *-ST-* tipa savienojumos zilbju robeža ir pirms abiem līdzskaņiem. Akustiskā robeža gandrīz visos gadījumos sakrīt ar fonoloģisko robežu.

5. Darbā konstatēti 10 trīslīdzskaņu savienojumu tipi: *-RTR-*, *-RSR-*, *-TSR-*, *-RST-*, *-RTT-*, *-TST-*, *-STR-*, *-RTS-*, *-TTR-*, *-TRR-*, kas veidojas vokāliski konsonantiskas un vokāliskas vai divu vokālisku zilbju sadūrā. Vokāliskas un konsonantiskas zilbes sadūrā, latviešu literārajā valodā tika konstatēti tikai 3 trīslīdzskaņu savienojumu tipi: *-TRS-*, *-SRS-*, *-RRS-*. Lielākajā daļā trīslīdzskaņu savienojumu fonoloģiskā robeža ir aiz pirmā līdzskaņa.

6. Latviešu literārajā valodā konstatēti 4 četrilīdzskaņu savienojumu tipi, kas veidojas divu vokālisku vai vokāliski konsonantiskas un vokāliskas zilbes sadūrā: *-RTST-*, *-RTSR-*, *-TSTR-*, *-RSTR-*. Gan fonoloģiskā, gan akustiskā zilbju robeža visos gadījumos ir aiz otrā līdzskaņa.

Алексей Викторович Андронов (Санкт-Петербург)

Некоторые проблемы морфологической интерпретации ударения в литовском языке

С позиций метода морфологической акцентологии постановка ударения в литовском языке определяется двумя основными акцентологическими характеристиками морфем и соответствующими двумя основными принципами:

1) морфологическим: ударение получает морфема большей акцентной силы или первая морфема в ряду равных по акцентной силе [Stundžia, 1995, 6–7];

^{*}R — skaneņi, S — spraudzeņveida troksneņi, T — slēdzeņveida troksneņi.

2) (мор)фонологическим: ударение переходит с неаккутированного слога на следующий за ним акутированный слог или слог аттрактивной морфемы.

Целесообразно различать два аспекта в описании литовского ударения:

- 1) в статическом аспекте любое слово может быть представлено в виде последовательности морфем с определёнными акцентологическими характеристиками (они устанавливаются на основе анализа ударения в малой парадигме);
- 2) динамический аспект предполагает установление связи между акцентуацией исходной и производной формы или производящего и производного слова; при этом необходимо введение дополнительного свойства морфем — акцентологической доминантности (способности одних морфем влиять на акцентные характеристики других), проявление или блокирование которой иногда бывает связано с определёнными морфологическими и фонологическими особенностями последних.

В настоящей работе рассматриваются некоторые проблемы описания литовского ударения в статическом аспекте.

Прежде всего следует отметить неоднозначное соотношение морфемы и слога в литовском языке. Если морфема является односложной, один из слогов её определяется как потенциально ударный: при наличии необходимых условий ударение получает он, а не другой слог морфемы (*pyrãg-as* (2) — *pyrag-ù, pasyv-ùs* (4) — *pasÿv-ù, ketvĩr-t-as* (4) — *ketvĩr-t-à*). Если морфема, которая должна получить ударение, не имеет в своём составе гласного (состоит только из согласных или является нулевой), то ударение реализуется на ближайшем слоге слева, причём на долгом слоге реализуется циркумфлекс (*obelis* — *obel-iẽs* и *obel-s*) [Girdenis, 1994, 13].

Указанного достаточно для описания ударения в статическом аспекте в подавляющем большинстве случаев. Тем не менее существуют некоторые “отступления” от действия как морфологического, так и (мор)фонологического принципов.

I. Морфологический принцип.

I. Несколько односложных слов имеют постоянное ударение на окончании: *kur-iš* (4*) — *kur-ĩ*, *kaž-k-às* (4*) — *kaž-k-ã*.

II. В словах с акцентологически слабыми основами (3 и 4 а.п.) морфологический принцип предполагает перемещение ударения между первой морфемой основы и сильным окончанием. Существует, однако, ряд случаев, когда ударной оказывается не первая морфема слабой основы слова (ср. [Young, 1983, 65–66]), причём это не может быть объяснено аттракцией:

1. подавляющее большинство многосложных прилагательных *и*-склонения: *nuo-šird-ùs* (4) — *nuo-šird-ù*
2. формы сравнительной степени прилагательных с суффиксом *-esn-*: *kair-èsn-is* (4) — *kair-esn-íems*
3. образованные от приставочных глаголов полупричастия, страдательные причастия настоящего и будущего времени, причастия необходимости: *pa-šaišk-dam-as* (3^b) — *pa-šauk-dam-à, pa-šaiški-a-m-as* (3^b) — *pa-šauki-a-m-à, pa-šaišk-si-m-as* (3^b) — *pa-šauk-si-m-à, pa-šaišk-tin-as* (3^b) — *pa-šauk-tin-à*
4. образования на *-(i)aĩ* со значением собирательности: *Bekam̃pis* (2) → *Bekam̃piaĩ* (4), *Laiuriũnas* (1) → *Lauriũnaĩ* (4, 3)

5. имена с приставкой *ne-*: *negarbė* (4) — *negarbė, netikras* (4) — *netikrà*
6. композиты типа *akmentašys* (3^{4b}, 3^a) — *akméntaši* (и *akméntašis* (1)), *arkliaganys* (3^{4a}, 3^b) — *árkliāganì* (и *arkliāganis* (1)) [Stundžia, 1995, 113–115]
7. отдельные примеры: *ropuonìs* (4) — *ropuōnì, atitikmuō* (3^b) — *atitikmenì, raudónas* (3) — *raudonà, arkàngelas* (3^a) — *arkangelai, vakardienà* (4) — *vakardiēna, autotraukinys* (3^a) — *autotráukinì* и др.

Сходная ситуация наблюдается в приставочных глаголах с акцентологически слабым корнем и с несколькими акцентологически слабыми приставками: ударение получает не первая из них, а ближайшая к корню: *ne-be-par-sì-neš-a*.

Для интерпретации указанных противоречий можно предложить несколько решений:

1. Ввести тройную градацию морфем по акцентной силе (ср. [Дыбо, 1997, 59]): *ger-ÈSN-ì* — *ger-ESN-Ì*, *pa-šAŪKI-a-m-as* — *pa-šAUKI-a-m-Ā* (ср. *pà-neš-a-m-as, pa-neš-a-m-Ā*)
2. Ввести понятие “скрытых” морфем (ср. понятие “extrametricality” в метрической теории ударения [Hayes, 1995, 56–60]): *kur-ÌS* — *kur-ì, ne-garb-Ē* — *ne-garb-ē, ne-be-par-sì-neš-a*
3. Постулировать сращение морфем в кластер с определённым потенциально ударным слогом: *ropuon-ÌS* — *ropuōn-ì, Bekampì-ĀĪ*

Как видно, каждое решение оказывается удобным для своего круга примеров. Выбрать наиболее адекватный способ описания, вероятно, сможет помочь подробный анализ динамического аспекта акцентуации.

II. (Мор)фонологический принцип.

- Вопреки (мор)фонологическому принципу отсутствует ожидаемая аттракция в возвратных существительных и некоторых местоимениях: *barimasis* (1*) — *barimusi, šitas* (1*, 4) — *šita, šità, viškas* (1*) — *viškuo*

Литература

1. Girdenis, 1994 — A.Girdenis, B.Stundžia. Morfema ir skiemuo lietuvių kalbos akcentologinėje sistemoje. — В кн.: Lietuvių kalba: tyrėjai ir tyrimai. Pranei Skardžiui (1899 03 26 — 1975 12 18) paminėti. Konferencijos pranešimų tezės (1994 m. spalio 27–28 d.). Vilnius, 1994. — p.13–14.
2. Дыбо, 1997 — В.А.Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология. — В кн.: Studia linguarum / Ред. коллегия: А.С.Касьян, Ф.Р.Минлос. Москва, 1997. — с.53–189.
3. Stundžia, 1995 — B.Stundžia. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.
4. Young, 1983 — S.Young. The Neomobile Stress Pattern of Lithuanian *u*-Stem Adjectives // Folia Slavica, vol. 6, №1–2, 1983. — p.64–70.
5. Hayes, 1995 — B.Hayes. Metrical Stress Theory. Principles and Case Studies. Chicago and London, 1995.

Дайва Аткачайтите (Вильнюс)

Сокращение безударных долгих слогов в южно-жемайтском Расейнском диалекте литовского языка

1. Соотношение длительности безударных и ударных долгих слогов в южно-жемайтском Расейнском диалекте литовского языка до сих пор систематичес-

ки не исследовалось. Предполагалось, что слогиобразующие звуки в долгих неоконечных безударных слогах сохраняют приблизительно такую же длительность, как и соответствующие ударные звуки и что в этом отношении Расейнский диалект ничем не отличается от западно-аукштайтского Каунасского диалекта и “идеального” литературного языка. Однако тщательный анализ текстов, записанных в южной части диалекта, показал, что гласные и дифтонги данного диалекта в безударной позиции подвергаются не только количественной, но и качественной редукции.

1.1. Долгие гласные и дифтонги в безударном слоге сокращаются. По степени сокращения все слогиобразующие звуки можно разделить на две группы:

- 1) сложные дифтонги и дифтонгические сочетания *a, e, i, u + l, n, m, r, u, i*;
- 2) долгие гласные *i, u*; слитные дифтонги *ie, uo* и дифтонгоиды *i^h, u^h*.

Сложные дифтонги и дифтонгические сочетания в безударной позиции сокращаются меньше. Более заметна качественная редукция первых компонентов *a* и *e*, так как эти гласные обычно произносятся как редуцированные *α, ǎ, ɛ*.

Вторая группа слогиобразующих звуков подвергается более сильному сокращению. В безударном положении чаще всего произносятся полудолгие или даже краткие звуки, напр.: *par ší^hná.tve | rudēns laikāis | ĵir āīdawa an tū^hbārnū* // *izbīegom tekini^h vaikāi | i^h daug'āu givē.nime prisimāenu nēīdawau* //.

Слитные дифтонги и дифтонгоиды в таких случаях теряют качественную определённую — монофтонгизируются: *ɛ, ɔ < i^hɛ, u^hɔ < ie, uo; i, u < i^h, u^h*.

1.2. Сокращённые слогиобразующие звуки чаще всего встречаются в предударном положении. Это связано с тем, что долгие заударные слоги реализуются со второстепенным ударением, которое появилось, по-видимому, ещё до сокращения безударных звуков, напр.: *čā^h aš gīmes | tuo vī^htūo* // *nū^h ir | tēīp | ir vāīgūom*. Сократиться могли только неоконечные послеударные слоги, стоящие между главным и второстепенным ударением, напр.: *vāīkai | rēīk klausī^hti mūokitūojēs*.

1.3. В слогах с рецессивным ударением долгие гласные и слитные дифтонги сокращаются лишь незначительно. В редких случаях слитный дифтонг может сократиться до “чистого” монофтонга, напр.: *ani^h tōk'uō vī^htūo síed'* //.

2. На основе рассмотренных данных можно сделать вывод, что в отношении тенденций редукции безударного вокализма Расейнский диалект примыкает к остальным жемайтским диалектам. Разница заключается только в степени сокращения, например, в северо-восточном (Тяльшайском) диалекте гласные, как правило, сокращаются полностью, а в Расейнском диалекте — до полудолгих.

Дануте Балшайтите (Каунас)

Восприятие твёрдости и мягкости литовских согласных носителями латышского языка

Генетическая близость литовского и латышского языков предполагает сходство их фонологических систем. Однако системы консонантизма близкородственных современного литовского и современного латышского языков

обнаруживают существенные различия. Основные различия связаны с корреляцией согласных по твёрдости-мягкости.

Для консонантной системы литовского языка характерно последовательное противопоставление согласных по твёрдости-мягкости: вне этой корреляции оказывается только /j/, не имеющий твёрдой пары. Единственной позицией, в которой литовские мягкие и твёрдые согласные противопоставлены фонологически, является положение перед гласными заднего ряда. Для фонетической системы литовского языка характерны степени палатализации согласных в зависимости от качества следующего гласного и от принадлежности согласного к определённому классу.

Система согласных латышского языка (за исключением /l/ — /l'/ и /n/ — /n'/) отличается отсутствием фонологического противопоставления по твёрдости-мягкости. Принято считать, что перед задними и передними гласными латышские согласные произносятся одинаково. Большой степенью палатализации перед гласными переднего ряда отличаются только [k'] и [g'].

Опыты по восприятию твёрдых и мягких согласных литовского языка латышами являются составной частью исследования ДП “твёрдость-мягкость” в родственных языках.

Материалом для исследования послужили слоги типа CV и C'V, выделенные из двусложных изолированных литовских слов, начитанных двумя дикторами — носителями литовского литературного языка. Слоги, включающие твёрдые и мягкие шумные согласные в сочетании с разными гласными, предъявлялись для аудирования в случайном порядке. Каждое звучание повторялось 3 раза. 17 аудиторам — носителям латышского языка, студентам Латвийского университета — было предложено записать в транскрипции то, что они слышат. Данные о распознавании мягкости и твёрдости отдельных звуков разными аудиторам были усреднены, т.е. подсчитывался средний процент опознания каждого согласного всеми аудиторам.

Анализ усреднённых величин свидетельствует о том, что мягкость литовских заднеязычных смычных [k'] и [g'], щелевых двухфокусных [š'], [ž'] и однофокусного [s'] носители латышского языка различают лучше, чем мягкость остальных согласных. Самый низкий процент восприятия согласного как мягкого характерен для аффрикат [c'], [ɟ'], [č'] и [ǰ']. Выявление единой сильной и единой слабой фонетической позиции для восприятия мягкости литовских согласных латышами не представляется возможным. Можно только отметить, что мягкость большинства предъявленных для аудирования согласных перед самыми задними гласными [o:] и [u:] опознаётся лучше, а перед самыми передними [i:], [e:] и [i] — хуже, чем в сочетании с другими гласными.

Для определения статистической значимости полученных ответов использовался критерий знаков. Статистические характеристики данных свидетельствуют, что носители латышского языка со статистической достоверностью опознают твёрдость литовских согласных. Большинство мягких согласных литовского языка латыши или оценивают как мягкие случайно, или опознают как твёрдые.

Литовские [k'] и [g'] неслучайно оцениваются как мягкие в сочетаниях со всеми гласными, кроме самых передних [i:], [e:] и [i]. В позиции перед этими

гласными все исследуемые согласные опознаются как мягкие случайно или воспринимаются как твёрдые.

В результате анализа данных аудиторского эксперимента определены некоторые перцептивные свойства ДП "твёрдость-мягкость", а также выявлены особенности перцептивной базы носителей латышского языка при восприятии литовских мягких и твёрдых согласных.

Аснате Баньгиере (Рига)

Некоторые наблюдения над явлениями анаптиксы в латышских говорах

Термин анаптикса в латышском языкознании используется в двух значениях (или, точнее, вариантах значения):

- 1) в соответствии с традиционной трактовкой под анаптиксой понимается вставка гласного звука (краткого или редуцированного, иногда неопределённого качества) между двумя согласными после древнего тавтосиллабического *r* или (реже) *l*, напр., *zir^ags*, *bær^ans*, *var^ana*, *dar^abs*, *cir^ast*, *sal^ana* (это т.н. анаптикса земгальских говоров);
- 2) в более широком смысле под этим термином понимается любая вставка облегчающего произношение гласного между двумя согласными, напр., *t^araks* < *traks* в селонских говорах верхнелатышского диалекта, *egil* < *egle* в ливонских говорах.

Анаптикса в её традиционном понимании является одной из характерных фонетических особенностей земгальских говоров среднелатышского диалекта. Это архаическое явление, унаследованное от древнего земгальского племенного языка; оно представлено также в тех говорах литовского языка, которые расположены на территории, некогда населённой земгалами.

На основе земгальских говоров сложился латышский литературный язык, поэтому эти говоры наиболее близки к литературному языку и в настоящее время в наибольшей степени подвержены процессу языковой унификации.

Такое положение дел отражается и на анаптиксе — в современных говорах это явление наблюдается всё реже. Полевые исследования свидетельствуют, что даже носители говора, представляющие старшее поколение (не говоря уже о представителях среднего и младшего поколения), предпочтение отдают формам без анаптиктического гласного. Почти все языковеды, кому удавалось зафиксировать употребление лексем с анаптиксой — начиная уже с видного специалиста по фонетике Анны Абеде в начале XX века — одновременно в своих публикациях отмечают, что частотность этого явления идёт на убыль.

Тем не менее анаптикса не только по-прежнему представляет интерес для исследователей истории латышского языка, — в современной диалектологии она используется как основной критерий для классификации земгальских говоров. Эти говоры разделяются на две подгруппы в зависимости от наличия или отсутствия анаптиксы, т.е., на говоры с анаптиксой и говоры без анаптиксы.

Из 512 говоров латышского языка 86 являются земгальскими, а те в свою очередь делятся на 46 говоров с анаптиксой и 40 говоров без анаптиксы.

Учитывая результаты современных исследований, представляется, что это деление земгальских говоров следовало бы пересмотреть. На данный момент оно не всегда соответствует действительности: в ряде говоров, традиционно относимых к говорам с анаптиксой, это явление уже не наблюдается (в Барте, Тадайки, Нигранде, Бунке), в то же время оно записано, напр., в Ливберзе, в говоре, который по классификации относится к земгальским говорам без анаптиксы. Не исключено, что при анализе современных земгальских говоров, уже почти ассимилированных литературным языком, от вышеупомянутого деления целесообразно отказаться.

Фонетические явления, аналогичные латышской анаптиксе или похожие на неё, встречаются и в других индоевропейских языках; в частности, ряд параллелей можно отметить при сопоставлении латышской анаптиксы с полногласием славянских языков. Одной из актуальных задач исследователей следует считать установление того, являются ли эти параллели лишь типологическими или между ними существует также и генетическая связь.

Антон Брейдак (Рига)

Взаимное фонетическое влияние латгальских говоров и литовских говоров Латгалии

Литовцы компактно жили в двух обособленных регионах Латгалии: 1) в бывших Сакстагальской, Ружинской и Силаяньской волостях близ города Резекне (это так называемые цискадские литовцы) и 2) в бывших Аулейской, Извалтской, Краславской и Скайстской волостях.

Имеются веские доказательства того, что по крайней мере часть литовского населения Латгалии является потомками древних переселенцев из Литвы. Во-первых, в так называемом цискадском говоре литовского языка имеются заимствования из древнелатгальского с унаследованными долгими гласными *ī*, *ī̄*, напр., *cyrulīs* 'жаворонок', *stūrys* 'угол'. В современных ружинском, сакстагальском и силаяньском латгальских говорах вместо восточнобалтийских долгих гласных **ī*, **ī̄* употребляются дифтонги *ei* (< **ī*) и *iu*, *yu* (< **ī̄*). Дифтонгизация восточнобалтийских долгих гласных **ī*, **ī̄* в латгальских говорах осуществилась в отрезке времени между 1478 г. и 1519 г. В письменных памятниках XIII в. и последующих веков нет никаких сведений о переселении предков так называемых цискадских литовцев в Латгалию. Поэтому прав К.Буга, считавший, что предки этих литовцев поселились в средней Латгалии до XIII в. Во-вторых, в письменных памятниках XIII в. на территории бывшей Науенской волости упоминается топоним литовского происхождения *Nowenene*.

Живя среди латышей, большинство литовского населения Латгалии ассимилировалось, но некоторая часть этих литовцев, как выяснил в 1977 г. литовский языковед К.Гаршва, всё-таки сохранила свою этническую самобыт-

ность и язык. Язык этого литовского населения в некоторой степени повлиял на фонетику латгальских говоров.

В речи ассимилировавшихся литовцев, теперь уже носителей латгальских говоров, наличествует лишь одна слоговая интонация — нисходящая, и отсутствует прерывистая интонация. Это явление просодии объясняется влиянием литовских говоров Латгалии, в которых не было прерывистой интонации.

В латгальских говорах звукосочетание **dj* закономерно изменилось в *ž*, однако в некоторых латгальских говорах вместо согласного *ž* наличествует *dž*, например, в родительном падеже множественного числа: *stundžu* ‘часов’ (< **stundju*) в звиргзденском, пилденском и цибленском говорах. Это спорадическое фонетическое явление объясняется влиянием литовского языка, ибо в последнем звукосочетание **dj* закономерно изменилось в *dž*, а твёрдый согласный *dž* в латгальских говорах объясняется депалатализацией смягчённого согласного *dž*.

Оярс Бушс (Рига)

Некоторые фонетические и морфологические явления при образовании латышских гипокористических личных имён

Образование гипокористических личных имён как в латышском, так и в других языках характеризуется рядом фонетических и морфологических особенностей, свойственных почти исключительно для данного класса лексики (некоторые аналогии, по-видимому, можно найти в просторечии или сленге). Среди латышских гипокористик значительно меньше общепринятых, общеязыковых форм, чем, например, в русском языке, однако анализ достаточно большого количества материала позволяет говорить об общих закономерностях, несмотря на то, что некоторую часть самого этого материала составляют узкоупотребительные и даже спорадические формы (основным источником просмотренного материала послужил словарь латышских личных имён К.Силиныша, примеры с личными именами из грамматики латышского языка Я.Эндзелина, а также личные наблюдения докладчика).

Наиболее характерным явлением консонантизма при образовании латышских гипокористик является палатализация сонантов *-n-* и *-l-*, причём чаще встречается первая, т.е. *-n-* > *-ŋ-*. Приблизительно в половине случаев палатализации *-n-* этот процесс имеет место перед суффиксом *-uk-* (напр., *Aņuks* < *Anita*) и анализ причин этой палатализации является частью анализа словообразовательной специфики данного суффикса. В большинстве других случаев чередование *-n-* > *-ŋ-* и *-l-* > *-ļ-* (*Beņa* < *Benita*, *Ādoļa* < *Ādolfs*), скорее всего, связано со звуковым символизмом, т.е. с тем, что палатализация, как известно, до некоторой степени является носителем значения уничижительности. Иногда имеет место также иноязычное (русское) влияние. Любопытно, что отмечено также несколько случаев *-ŋ-* > *-n-* (*Stanis* < *Stanislavs*), которые, в свою очередь, хотя бы отчасти объясняются отталкиванием от иноязычности в звуковом облике имени. Реже, чем палатализация *-n-* и *-l-*, встречается чередование *-s-* > *-š-*, обусловленное теми же причинами, что и другие случаи “неисторической” палатализации (кстати, при об-

разовании гипокористик можно наблюдать и некоторые процессы, более характерные именно для исторической фонетики, напр., *-f- > -p-* (*Alpītis < Alfons*)).

Из вопросов, возникающих при описании фонетических особенностей образования латышских гипокористик, наиболее проблематичным представляется толкование некоторых употреблений *-c-* и *-č-*. С одной стороны, эти фонемы достаточно часто соотносятся с *-t-* (или со звуко сочетаниями, в состав которых входит *-t-*) в основном имени, напр. *Acišs < Atvars*, *Acišs < Astra*, *Arcis < Artūrs*, *Ača < Atis*, *Ruča < Ruta*. С другой стороны, по крайней мере в ряде случаев более правдоподобным представляется толкование этого *-c-* (и *-č-*) не как результата чередования *t > c*, а как специфического для данного типа словообразования суффикса, присоединяемого к инициальному сегменту имени (*Skai-č-a < Skaidrīte*).

Универсальной особенностью образования гипокористик является то, что оно, как правило, не соотносится с морфологическим членением основного имени — за исключением случаев, когда словообразующей основой является морфологическая основа — она же в синхронном описании и корень — основного имени. В остальных случаях словообразующую основу гипокористики целесообразно описывать как звуковой сегмент (обычно инициальный сегмент основного имени) той или иной протяжённости. В просмотренном материале эта протяжённость варьировалась от одной до шести фонем (или — условно — букв), причём крайние варианты требуют оговорок: словообразующую основу из одной (гласной) фонемы можно выделить, если вышеупомянутое *-c-* и *-č-* считать суффиксом, а не одной из ступеней чередования согласных; что же касается шестифонемного сегмента, то в единственном пока замеченном случае такого рода сегмент этот совпадает с морфологической основой основного имени (хотя, учитывая общие тенденции образования гипокористик, представляется, что и в таких случаях вполне правомерно основное внимание обращать именно на звуковые сегменты определённой протяжённости). Наиболее часто используются словообразовательные основы из трёх и (чуть реже) из двух фонем; если же случаи, когда трёхфонемная основа гипокористики одновременно является и основой производящего имени, учитывать отдельно, то наиболее продуктивной словообразовательной основой гипокористик придётся признать двухфонемные сегменты.

Анализируя гипокористики со словообразовательной точки зрения, можно также выделить некоторые специфические суффиксы. Кроме уже отмеченных *-c-* и *-č-* это *-š-* (*Aiša < Aivars*), *-ž-* (*Kaža < Kārlis*) и ещё несколько более спорадических.

Лембит Ваба (Таллинн — Тампере)

О рефлексах прабалтской фонетики в балтизмах прибалтийско-финских языков

Фонетика некоторых балтийских заимствований в прибалтийско-финских языках отражает архаическое состояние языка-источника, ср. рефлекс сочетания **-dj-* (фин. *metsä* 'лес' < прафин. **mec'c'ä* < прабалт. **medja-*, ср. лит. *mėdis* 'дерево', лтш. *mežs* 'лес'), **-tj-* (фин. *kestä* 'выдерживать, терпеть, переносить' <

прафин. *ken'c'i- < прабалт. *kentja-, ср. лит. *kęsti* : *keičia* 'терпеть, выносить', лтш. *ciest* 'страдать, терпеть, испытывать'); дифтонга *ei (фин. *reikä* 'дыра, дырка', эст. *reig* '(свежая) рана' < прафин. *reikä < прабалт. *spreigā, ср. лит. *spriegtī* 'дать щелчок; бросить, швырнуть назад; пнуть', лтш. *spriegāt, spraigāt* 'треснуть, трескаться, растрескиваться', *spraīga* 'трещина, щель').

В докладе рассматриваются случаи заимствования, предполагающие прабалтийский оригинал с дифтонгом *ei (> лит. (i)ai). В поддержку уже существующих балтских этимологий (фин. *leuka*, эст. *lõug* 'подбородок' < прафин. *leuka < прабалт. *leukā, ср. лит. *liaukà* 'железа', лтш. *ļauka*² 'вспухшие миндалины у свиньи', фин. *reuna* 'край, кромка, борт', эст. *rõun* 'склон горы', *reinas* 'телега о двух колёсах, таратайка', лив. *reenaz* 'дробина у телег' < прафин. *reuna < прабалт. *breunā, ср. лит. *briaunà* 'ребро, канат, бровка') приводятся дополнительные аргументы.

Балтийскую этимологию фин. слова *leuka* с негодованием отверг Э.Ниеминен; основным препятствием для неё он считает разницу в значениях: приб.-фин. 'подбородок' — балт. '(шейные) железы, вспухшие миндалины (у свиньи)'. В литовском языке произошло деривативное и семантическое разветвление: *liaukà* → *raliáukis* 'подгрудник (у скотины)', *raliaukys* id. Кроме того, имеются определённые семантические и деривационные параллели, указывающие, что 'подбородок' и '(болезненно вспухшая) железа' могут происходить от одной и той же основы: характерным признаком болезни является появление гноя в лимфатических узлах нижней челюсти. До сих пор в этимологической литературе не обращалось внимания на следующие эстонские диалектные данные, значительно облегчающие сопоставление указанной балтской основы с прибалтийско-финской: *lõua/hiired* 'шейные железы', *lõua/tõbi* 'мыт', *lõu/d* Nom.Pl. 'шейные железы', *lõu(e)/l* Adess.Pl. 'в мыте', *lõu/s* Iness.Pl. 'в воспалении желёз', и т.д. Данное слово для наименования желёз и их заболеваний употребляется в эстонских диалектах преимущественно в форме множественного числа: *lõu/d*, *lõuse/d*, причём *lõu/d* происходит от основы мн. ч. слабой ступени, предположительно формы мн. ч. инессива или адессива *lõu/s* // -l < *lõuu/s* // -l < *leuγoi-, форма *lõuse/d*, получена путём переразложения от инессива мн. ч.; таким образом удалось избежать омонимии с *lõu/d* (литер. *lõo/d*) 'жаворонки'.

Далее в докладе предлагается ещё одна этимология с прабалтским рефлексом дифтонга *eu: фин. *höyhen*, Gen.Sg. *höyhenen* // *höyheten* 'перо, пёрышко', эст. *ehmes* 'пух, пушина' < прафин. *šeuš(e)t // *šeiš(e)t < прабалт. *šeust-, ср. лит. *šiaiūšti* 'ерошить, взерошивать, взлохмачивать, всклокочивать, ворсовать', *šiaiūštis* 'ерошиться, вставать дыбом, щетиниться; важничать, чваниться', лтш. *šauštiēs* 'ерошиться', *šaištas* 'ужас'.

Nijolė Dvarionaitė (Klaipėda)

Kuršininkų tarmės priegaidės

Kuršininkai — tai XVI–XVII a. iš Kuršo atsikėlę gyventojai, Kuršių nerijoje gyvenę maždaug iki II pasaulinio karo. Jų tarmė vadinama kuršininkų kalba, kurioje žymi lietuvių bei vokiečių kalbos įtaka. Yra 3 išsamūs — A.Becenbergerio, J.Plakio, V.P.Šmido — tarmės aprašai ir J.Endzelyno straipsnis. Tarp kitų dalykų šiuose darbuose

nemažai dėmesio skirta prozodijai. Vėlesniuose darbuose priegaidės jau nežymimos. Todėl kyla klausimas, kodėl autoriai nestudijuoja priegaidžių (gal nemato mokslinės problemos, manydami, kad jos tarmėje nebeskiriamos).

Mano darbo tikslas — išstudijuoti Kuršių nerijos teritorijoje gyvenusių žmonių tarmės ilgujų skiemenų priegaides, lyginant su J.Plakio laikų priegaidėmis. Naudota medžiaga — 1984–87 m. Vokietijoje padaryti įrašai. Tarmės priegaidės, remiantis Nycos tarmės B.Bušmanės skirstymu, skiriamos į tęstinę ir netęstinę.

Ryškėja, jog Kuršių nerijos kuršininkų tarmės fonetinė-akustinė sistema palyginus neblogai išlaikyta. Geriausiai išlaikomos priegaidės: a) kirčiuotuose ilguosiuose balsiuose bei mišriuosiuose dvigarsiuose; b) dažniausiai vartojamuose žodžiuose.

Akustinės sistemos nykimo požymiai dažniausia pasireiškia priegaidžių niveliavimu (neryškiai skiriant arba neskiriant). Kirčiuotuose skiemenyse dažniausia priegaidės niveliuojamos dvibalsiuose ir redukuojamuose balsiuose. Nekirčiuotų skiemenų priegaidės geriau laikosi tada, kai jos padeda atpažinti formą, dėl morfologinės sistemos spaudimo išlieka skiemenų skiriamieji akustiniai požymiai. Daugeliu atvejų priegaidžių niveliaciją galima paaiškinti lietuvių kalbos arba žemaičių tarmės įtaka.

Kuršininkų tarmei ilgą laiką gyvavus trikalbystės sąlygomis, jos nykimo požymiai palietė visus kalbos sluoksnius. Nors gana ryški priegaidžių niveliacija, tačiau priegaidės iki paskutiniųjų kuršininkų tarmės gyvavimo dienų vis dėlto skiriamos.

Audronė Kaukienė, Dalia Pakalniškienė (Klaipėda)

Balsių kaitos vaidmuo formuojantis lietuvių kalbos veiksmažodžiui

Šaknies morfonologinė sandara, ypač balsių kaita, turėjo ypatingos reikšmės baltų veiksmažodžio raidoje. Balsių kaita veiksmažodžio sistemoje nuo seno turėjo ir kaitybines, ir darybines reikšmes.

Bendraindoeuropietiškuoju laikotarpiu veiksmažodžio paradigmos narių santykių būta kitokių nei šiandien — daugiau darybinio, net leksinio (supletyvizmas) pobūdžio. Tai gi ribos tarp kaitybos ir darybos buvo kitokios. Skyrėsi ir pagrindinių veiksmažodžio kategorijų, iš kurių vėliau išsirutuliojo laiko, nuosakos ir veiksmo kategorijos, funkcijos ir formos.

Balsių kaita visais laikais (bendraindoeuropietišku, prabaltišku, rytų ir vakarų baltų ar atskirų baltų kalbų) buvo susijusi tiek su morfologijos, tiek su semantikos dalykais, tačiau tie santykiai smarkiai kito. Gali būti rekonstruojami trys kaitybinės balsių kaitos tipai: pagrindinis ir nykstamasis laipsnis, kiekybinė kaita (būtojo laiko balsis pailgėjęs), kokybinė kaita.

1. Pagrindinis ir nykstamasis laipsnis

Ši kaita veiksmažodžio sistemai buvo bene reikšmingiausia.

1.1. Bendraindoeuropietiškuoju laikotarpiu prezentinėms formoms su nuliniu formantu buvo būdingas pagrindinis *e* eilės šaknies balsių kaitos laipsnis (*e, ei, eu, eR*), o nykstamąjį laipsnį (*∅, i, u, r*) turėjo participium perfecti passivi, šakninio aoristo formos, atematinių veiksmažodžių daugiskaitos, prezentinės formos su formantais *n* (intarpiniu ar priesaginiu), ir kai kurios kitos (nuosakų, pasyvo formos).

1.2. Prabaltiškuoju laikotarpiu balsių kaita išliko tik tarp preterito ir preterito formų. Susiaurėjo balsių kaitos galimybės, nes *CeT, CeS* tipo šaknys neteko

nykstamojo laipsnio *CT, CS* — apibendrinamas šakninis *e*. *Cr-* pavirtus *CiR* (rečiau *CuR*) padidėjo nykstamojo laipsnio su balsiu *i* funkcijos.

1.3. Rytų baltų kalbose daugelis *Cei(C) / Ci(C), CeR(C) / CiR(C)* ir *Ceu(C) / Cu(C)* tipo šaknų išsišakoja į kelias leksemas, turinčias skirtingus esamojo laiko formantus, kitoki būtojo laiko kamieną ir kategorinę semantiką. Senujų apofoninių šaknų lieka tik reliktai. Dėl šaknų išsišakojimo atsiranda nauja kaita konsonantinėse šaknyse, tačiau tik tam tikrų tipų: *CreT / CriT* (po sonanto), *CeSK / CiSK* (prieš pučiamojo ir sprogstamojo priebalsio junginį).

1.4. Lietuvių kalboje, ypač tarmėse dar sumažėja relikto su balsių kaita (*perka // pirka — pirko*). Nebelieka *au / u* kaitos (latvių dar yra relikto). Atsiranda nauja kaita intarpinių veiksmažodžių paradigmos (*sniūga // sneīga — snīgo*), randasi būsenos veiksmažodžių, turinčių nykstamąjį pailgintąjį laipsnį (*plytėti, glūdėti*).

2. Kiekybinė kaita

Ji būdinga daugeliui indoeuropiečių kalbų tarp prezento ir preterito formų. Beveik visose kalbose turi daug etapų, vis atsinaujindama tarsi “feniksas”.

2.1. Ryškiausi indoeuropietiškieji pavyzdžiai yra su kaita *e : ē* (lo. *edō : ēdī*). Šaknys su *o* preterite galėjo turėti *ō* (lo. *fodiō — fōdī*), tačiau sunku rasti daugeliui kalbų bendrų pavyzdžių.

2.2. Pirmasis apibendrinimas apima visas baltų (ir slavų) kalbas: lie. *ėda — ėdė, bėga — bėgo* (ryt. balt. *sėda — sėdo*). Paprastai apibendrinamas ilgasis balsis *ē, ō* (**ēd-*, **bēg-*, **pōl-* (bet pr. **pal-*).

2.3. Antrasis apibendrinimas *rėzia — rėžė, plėšia* (tarm. *plėšia*) — *plėšė* (vediniuose *uo: rúožas, plúoštas*). Dažniausiai apibendrinamas ilgasis balsis, tačiau latvių gali būti ir trumpasis. Atsiranda nauja kaita tarp esamojo ir būtojo laiko šaknų *e : ē, a : ā, i : ī, u : ū*, ypač rytų baltų kalbose po šaknų išsišakojimo (prūsų tik *kūra*).

Po nykstamojo laipsnio apibendrinimo *Cin-* tipo šaknyse gali naujai pailgėti būtojo laiko balsis: *skina // skēna — skinė // skýnė*, tačiau *gēma // gīmsta — gīmė*.

2.4. Trečiasis apibendrinimas lietuvių tarmėse: *tėkšti // tēškia // tēškia — tēškė* (vediniuose *a: taškýti, tāškas*). Šis procesas nepalietė *CeR(C)* tipo šaknų, nes bendratyje susidarė tautosilabinis junginys.

Naujausias apibendrinimas susijęs su *a*-kamienių veiksmažodžių perėjimu į *ia*-kamieną: *tėpti, tēpa, tēpė → tēpti, tēpia // tēpia, tēpė*.

3. Kokybinė kaita

3.1. Praindoeuropietiškuoju laikotarpiu kaita *e / o* (*ei / oi, eR / oR*) greičiausiai turėjo kategorinę reikšmę ir buvo susijusi ne tik su daryba, bet ir su kaityba. Žymėtieji nariai buvo *o* eilės dariniai:

- dalyje indoeuropiečių tarmių iš rezultatinę būseną reiškiančių formų susiformavo vienas iš būtųjų laikų — perfekto (gr. *μένω — μέμονα, λείπω — λέλοιπα*);
- daugelyje kalbų *o* eilės vokalizmą turėjo šakniniai, priesaginiai ar reduplikaciniai iteratyvai-intensyvai (tam tikru metu dalyje kalbų kokybinė kaita galėjo turėti ir kaitybinę reikšmę, vėliau apibendrintas tas ar kitas balsių kaitos laipsnis).

3.2. Baltų kalbose nėra perfekto pėdsakų. Šakninių veiksmažodžių gali būti apibendrintas skirtingas balsių kaitos laipsnis (lie., la. **bed-*, pr. **bad-*).

3.3. Rytų baltų kalbose randasi daug iteratyvinių (kauzatyvinių) darinių: lie. *bėsti — badýti, riėkti — raikýti, veřsti — vartýti* : la. *best — badīt, vėrst — vārtīt*.

Dalia Kiseliūnaitė (Klaipėda)

Kuršių nerijos kuršininkų tarmės vardažodžių galūnių redukcija ir linksnių formų niveliacija

Kuršių nerijos latvių (kuršininkų) tarmės aprašymuose apie galūnių redukciją kalbama labai mažai. A.Bezenberger'is [Bezenberger, 1888] akcentuoja ilgųjų galūnių redukciją ir nereguliariai įvairuojančias lokatyvų ir įvardžiuotines formas. Tačiau kalbėdamas apie linksniavimo paradigmas, randa diferencinius požymius beveik visų linksnių formose. J.Plakis [Plāķis, 1927] taip pat skiria visų kamienų formas ir beveik neskiria dėmesio trumpųjų galūnių redukcijai. Jo užrašytuose tekstuose ir žodyne aiškiai skiriamos vardažodžių formos (*laiva, zuve*).

Tačiau 1986–95 m. audioįrašai ir iššifruoti tekstai rodo itin ryškia trumpųjų galo skiemenų redukciją ir su ja susijusius morfologinės sistemos pakitimus (plg. W.P.Schmid, 1995]). Daugeliu atvejų girdimos beveik identiškios redukuotos galūnės su murmamuuju balsiu arba be jo (nom. sg. *laivā, zuvā* ir *laiv', zuv'*). Kaip parodė apklausa, dabartiniai tarmės atstovai beveik visais atvejais redukuoja trumpuosius skiemenis iki niveliuoto murmamojo garso (išskyrus nom. sg. *us*): gen. sg. *lik trešuo metā, pits manā tantās, pi mežā*, acc. sg. *padarijā man dižā baimā, gribij parnestā tuo kuokā, dziedam vienā dziesmā*, nom. pl. *sievās, kāpās* ir t.t. Nereguliariai skiriamos tik acc.-instr. formos: *ar dangu* ('*su dangčiu*') *virsuļ*, acc. pl. *siltas, baltas smiltes*, bet *lasijam puikās akminās*. Niveliacijos procesą skatina dar ir tai, kad tarmės *i* gerokai paplatėjęs, todėl beveik nesiskiria *-i, -is* ir *-e, -es*: *līdzijam mātei maizā cept, atgāj tas krīgās, rūķinājā zuves*. Diferencinių linksniavimo požymių paradigmos taip sumažėjo, kad tik ilgųjų galūnių formos padeda identifikuoti kamiengalį: *mare, ruoka, ar laivā*, bet *laiva*.

A.Bezenberger'is galūnių redukciją ir formų mišinį pastebėjo (min. veik. p. 25), suminėdamas keliasdešimt pavyzdžių, kurių dauguma užrašyti Nidoje. Tačiau vėlesniuose J.Plakio tekstuose trumpųjų galūnių redukcija ir kamienų niveliacija atsispindi retai. Kontrastas tarp J.Plakio užrašytųjų tekstų ir dabartinių audioįrašų šiuo požiūriu akivaizdus. Vargu ar realiai kalboje šis procesas taip ryškiai paspartėjo (pasikeitė tik viena kuršininkų karta). Todėl tikėtina, kad J.Plakis, užrašinėdamas kuršininkų tekstus, juos "sulatvino".

Literatūra

1. Bezenberger, 1888. — A.Bezenberger. Über die Sprache der preußischen Letten. Göttingen, 1888.
2. Plāķis, 1927. — J.Plāķis. Kursenieku valoda. Rīga, 1927.
3. Schmid, 1995. — W.P.Schmid. Nehrungskurisch I, Sprachhistorische und instrumentalphonetische Studien zu einem aussterbenden Dialekt. Stuttgart, 1995

Par trūkstuošajiem skaņu apzīmējumiem latviešu rakstībā*

Samērā ilgajā un nemierīgajā latviešu rakstības veidošanās procesā īpašas debates un duomstarpības ir izraisījis grafēmu *ie*, *uo*, *ō*, *r*, *ch*, kā arī platuo *[e]* un *[ē]* skaņu apzīmējumu, akcepts vai nuoraidījums.

Vienīgā šīs plejādes zvaigzne, kas cīņas lauku atstājusi kā uzvarētāja, ir grafēma *ie* — tā juoprojām veiksmīgi funkcionē attiecīgā diftonga apzīmēšanai.

Zīmes *r* un *ch* (daļēji arī *ō*) Latvijā oficiālajā rakstībā lietuotas 20.–30. gaduos un 40. gadu pirmajā pusē. Kā pirmās Latvijas Republikas rakstības tradīcijas turpinājums tās (galvėnuokārt, *r* un *ch*) vienmēr lietuotas tuo latviešu rakstītajuos tekstuos, kas pēc 2. pasaules kara nuo Latvijas emigrēja.

Aicinājumi atkal lietuoť *r* un *ch* mūsdienu praktiskajā latviešu rakstībā Latvijā 90.gaduos dzirdami samērā bieži (piem., R.Grīslis raksti). Platā *[e]* un *[ē]* skaņa līdz šim īpaši atzīmēta tikai valuodnieciskai tematikai veltītuos rakstuos un latviešu valuodas fonētiskajā transkripcijā. Tie, kas ieteikuši piešķirt šim skaņām īpašus apzīmējumus arī praktiskajā rakstībā, parasti nav bijuši valuodnieki (piem., A.Duburs).

Grafēma *uo* attiecīgā divskaņa apzīmēšanai gan vienmēr bijusi valuodnieku ieteikta un balstīta (J.Endzelīns, P.Šmits, J.Plāķis, A.Kalniņš), taču praktiskajā rakstībā tikpat kā nav lietuota.

Stāvuoklis, kad ar grafēmu *o* vienlaikus tiek apzīmētas trīs fonēmas — */o/*, */ō/* un */uo/*, latviešu rakstu tradīcijā ir nemainīgs nu jau vairāk nekā pusgadsimta. Par tuo, ka šī situācija nav radusi pozitīvu risinājumu, valuodnieki nuožēlu ir pauduši arī mūsu gadsimta uotrajā pusē [Bergmane, 1986, 32]. Šī neatbilstība starp runu un rakstību latviešu valuodas lietuotāju uzmanību līdz šim ir saistījusi samērā maz — ap minēťtuo jautājumu par *r* un *ch* rakstību un lietuošānu vienmēr ir virmuojušas daudz lielākas kaislības, kaut gan *[r]* skaņa tuomēr jau ir atkāpusies tik tālu latviešu valuodas pagātnē, ka lielai daļai runātāju tuo grūti organiski iekļaut savā valuodā — kā runātājā, tā rakstītājā, un *ch* ir apzīmējums skaņai, kas latviešu valuodā nav mantuota un arī parasti nuo pārējiem fonēmas */x/* variantiem tiek šķirta ar samērā lielām grūtībām.

Grafēmas *o* dažādais lasījums var sagādāt grūtības visiem. Homogrāfu nuozīmēs orientēties parasti palīdz konteksts, taču ir gadījumi, kad ar tuo nepietiek un arī vārda etimolōģija nav acīm rēdzama.

1. Nenuoteikta, svārstīga un arī nepareiza izruna vēruojama lasuoť un runājuot samērā daudzus latviešu uzvārdus. Piemēram, *Doku Atis*. Te būtu jārunā *[o]*, bet vēruojama tendence lietuoť *[uo]* [Endzelīns, 1920, 80]. Tāpat īsti nezinām, vai jārunā *[o]* vai *[uo]* tāduos vārduos, kā *Vilis Ešots*, *Evija Kromule*, *Ģirts Timrots* u.c. Nevaram arī teikt, ka visuos latviešu cilmes uzvārduos vienmēr lasāms *[uo]*, bet aizgūtuos *[o]* vai *[ō]*, juo, piemēram, latgaliskas cilmes uzvārduos nekas neparasts nav arī *[o]* skaņa (tāpat kā pašā dialektā): *Andris Morkāns*.

2. Problemātiska mēdz būt Latvijas vietvārdu izruna: ne vienmēr uzreiz ir skaidrs, vai vietvārds mantuots vai aizgūts, tāpat rēťumis arī vietvārdu literārajā rakstībā un izrunā tradicionāli saglabājas dialektu īpatnības. Visbiežāk tuomēr tiek runāts *[o]* gadīju-

*Pēc krājuma redaktōra ieteikuma teksts publicēts referāta autōres un krājuma redaktōra piedāvātajā rakstībā.

muos, kad jārunā [uo], piemēram, *Tuosmare, Uotaņķi, Aluoja*. Taču Latvijā ir arī senie lībiešu dzīvesvietu nosaukumi *Kolka* un *Korģene*, kur [o] skaņa, prūtotams, ir pareiza.

3. Skaņu [uo], [o] un [ō] atsevišķo apzīmējumu trūkuma dēļ veidojas neprecīza un nekonsekventa citvalodu īpašvārdu (galvėnuokārt, somu un lietuviešu) atveide latviešu valūdas rakstus un izrunā. Piemēram, mūsu kaimiņvalsts un tautas nosaukumus *Suomija* un *suomi* mēs tradicionāli rakstām ar o — *Somija, somi*, bet izrunājam ar [uo], kā izrunā un arī raksta paši suomi — *Suomi*, juo divskanis [uo] ir mantuota somu valūdas skaņa. Turpretī šīs pašas saknes uzvārdu *Suomalainen* S. Raģe ieteic tāpat atveidot arī latviski: *Suomalainens* [Raģe, 1963, 43]. Un arī, raksturot citus somu valūdas īpašvārdus latviešu tekstos, grafēmu *uo* ieteikts saglabāt: *Kuohijervi ezers, Lājavuori kalns*, uzvārdi *Ruokokoski, Puomilahti* u.c. Kādēļ mēs varam uzrakstīt somu *uo*, bet paši savējuo — nē? Raksturot lietuviešu īpašvārdus latviski, lietuviešu divskanīm [uo] T. Puorīte iesaka izmantuot grafēmu *o* [Puorīte, 1961, 10]. Latviski vienādi tiek rakstīti *Jons*, liet. *Jonas* ([..ō..]), un *Jozs*, liet. *Juozas*. Prūtotams, abi vārdi arī visbiežāk tiek izrunāti vienādi — ar [ō]. Un, tā kā latviešu rakstībā trūkst [ō] skaņas apzīmējuma, piemēram, lietuviešu uzvārdu *Maironis* ([..ō..]) latvieši bieži izrunā ar [uo].

Grupējurot valūdas areālingvistikas aspektā [Dēči, 1973; Hārmanis, 1976] latviešu, igauņu, lībiešu, ar dažām iebildēm arī somu un lietuviešu, valūdas ietilpst vienā grupā. Viena nuo pazīmēm, kas raksturo šuo valūdu grupu, ir divskaņu ģsamība valūdu fonētiskajā sistēmā, kā arī platur [e] un [ē] šķīrums. Latviešu rakstības tradīcija ir vienīgā savā areālā, kurai trūkst atsevišķu apzīmējumu [o], [ō], [uo] un platur [e], [ē] skaņām.

Latviešu valūdā aizgūtajos vārdos vairs nav vērojama tendence [ō] vietā liurot [uo]. Latviešu valūdas runātāji ir pieraduši pie šīs skaņas. Tuomēr mēs darinām jaunus vārdus nuo aizguvumiem un veidojam jaunas formas, izmanturojuot pašas latviešu valūdas afiksus un galuotnes. Tā bieži izrādās, ka vienā vārdā vai vārdformā ir trīs skaņas [o], [ō] un [uo], tuomēr vienādi apzīmētas, piemēram, *noorganizēt [nuoorganizēt], lokatoros [lokatoruos]*.

Pašlaik Latvijā ir izveidurojusies situācija, kad latviešu valūda ātri un kvalitatīvi jāapgūst daudziem cilvēkiem (sakarā ar gatavurojamuo jauno Valsts valūdas likumu un Eirōpas Komisijas ieteikumiem Latvijas ātrākai uzņemšanai Eirōpas Savienībā). Turklāt interese par latviešu valūdu vērojama ne tikai Latvijā. Nesakritības starp izrunu un rakstību nekādi neveicina latviešu valūdas sekmīgu apgūšanu. Aplūkojām jau diezgan daudz neērtību, kas ruodas, neatspuogulojuot rakstībā atsevišķi [o], [ō] un [uo]. Runājuot par platur [e] un [ē] skaņām, parasti aizrāda, ka tuo izrunu iespējams izsecināt nuo pozīcijas. Taču, pirmkārt, šīs sistēmas apgūšana prasa lielu darbu, un ideālā variantā tā prātā ilgi nepaliek, tāpēc gadījumos, kad ar izjūtu vien nepietiek, bieži tiek pieļautas izrunas kļūdas. Uotrkārt, arī šajā sistēmā ir pietiekami daudz izņēmumu, lai sāktu pārduomāt tās universālumu.

Mēdz teikt, ka rakstībai ir jābūt ekonōmiskai, un tādēļ tuo nevajadzētu saraibināt ar pārāk daudzām rakstu zīmēm. Bet vai tāda rakstība, kurā vienas rakstu zīmes pareizai nuolasīšanai jāizpēta un jāiegaumē neskaitāmi blakusnuosacījumi, ir ekonōmiska un racionāla? Varbūt labāk tuomēr ir pievienurot pāris diakritiskuo zīmju vai izvēlēties vēl kādu grafēmu kombināciju acīm rēdzamai skaidrībai? Vai angļu valūdas rakstība, kurā nav nekādu diakritiskuo zīmju, ir racionāla, ja angļu valūdas skuolurotāji iesaka katrā vārda izrunu mācīties atsevišķi, izmanturojuot fonētiskuo transkripciju?

Rakstība diezgan lielā mērā ir konvencijas lieta, kuo sabiedrība var pieņemt vai nepieņemt. Latviešu valuodnieki līdz šim diezgan daudz ir piekāpušies sabiedrības vieduoklim. Eirōpā ir samērā maz valodu, kuru rakstību mēs varētu saukt par ideālu, t.i., kur katrai valodas fonēmai rakstībā atbilstu savs apzīmējums. Viens no labākajiem piemēriem šajā ziņā ir somu valoda. Par latviešu rakstību mēdz teikt, ka tā ir diezgan, samērā, visumā u.tml. laba. Kādēļ mēs nevarētu atbrīvuoties no šiem pamazināmās nianšes vārdiem, lai teiktu, ka latviešu rakstība ir vienkārši laba?..

Literatūra

1. Bergmane, 1986 — Bergmane A., Blinkena A. Latviešu rakstības attīstība. Rīga, 1986.
2. Dēči, 1973 — Décsy Gy. Die linguistische Struktur Europas. Hamburg, 1973.
3. Endzelīns, 1920 — Endzelīns J. Zinātņu komitejas lēmumi par ortografiju. — cit. pēc: Endzelīns J. Darbu izlase. III sēj. 1. daļa. Rīga, 1979.
4. Hārmanis, 1976 — Haarmann H. Aspekte der Arealtypologie. Tübingen, 1976.
5. Puorīte, 1961 — Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. Lietuviešu īpašvārdi. / Sastādījusi T.Puorīte. Rīga, 1961.
6. Raģe, 1963 — Norādījumi par citvalodu īpašvārdu pareizrakstību un pareizrunu latviešu literārajā valodā. Somu valodas īpašvārdi. / Sastādījusi S.Raģe. Rīga, 1963.

Юрий Александрович Клейнер (Санкт-Петербург)

Моросчитание: германский, славянский...

Моросчитание традиционно связывается с подвижностью ударения в пределах слога, а на фонетическом уровне — с движением тона. В связи с этим, всякая акцентуация, включающая мелодический компонент, (например, шведско-норвежская) зачастую рассматривается как моросчитающая (Н.С.Трубецкой, С.Д.Кацнельсон). И наоборот, отсутствие того, что можно было интерпретировать как музыкальное ударение, рассматривается как свидетельство отсутствия моросчитания.

Отсутствие сведений о музыкальной природе ударения в древних языках (латынь, древнегерманские, праславянский) более типично, чем фонетические описания и нотированные тексты, дошедшие от древнегреческого. Тем не менее, о моросчитающем характере ряда языков можно судить на основании правил метрики, строящейся на чередовании долгих (по природе, $/(C)V:-/$, или положению, $/(C)VC-/$) и кратких, $/(C)V-/$, слогов и возможности замены одного долгого слога двумя краткими, $/(C)V:-/$, $/(C)VC-/ \sim /(C)VCV-/$.

В древнегерманских языках проявлением той же закономерности, помимо приравнивания двух кратких слогов долгому в поэзии (“распущение”), является закон Сиверса, свидетельствующий о равенстве комплексов типа $dō-(mīis)$, $wan-(diis)$, $was-(iis)$ и $miki-(liis)$, т.е. $/(C)V:-/ = /(C)VC-/ = /(C)VCV-/$, в корневых морфемах (данное равенство обеспечивается наличием границы ритмического членения после каждого из этих комплексов).

Это явление можно рассматривать как общеиндоевропейское, что позволяет распространить данную трактовку на все случаи равенства ритмических структур, ср. праслав. $*rūba / (C)V:-/$, $*ronka / (C)VC-/$, $*voda / (C)VCV-/$; ср. также лтш. $galva$ и земгальск. $galava$, с “полногласием” славянского типа.

Существование трёх ритмических структур позволяет допустить, что они служили базисом соответствующих акцентных противопоставлений. Так, судя по “равновесному ударению” в скандинавских моросчитающих диалектах, [‘fluɡu] ~ [flu’ɡu] ‘муха’ (в зависимости от говора), с одной стороны, и, с другой, по сходным явлениям, например, в литовских однокоренных словах, ср. *kùbilas* ~ *kubìlius*, можно предположить сходную акцентную вариативность, например, в древнегерманских двусложных последовательностях типа гот. *miki*: $\acute{\text{ — }} \text{ —}$, $\text{ — } \acute{\text{ —}}$ или даже $\acute{\text{ — }} \acute{\text{ —}}$, $\acute{\text{ — }} \grave{\text{ —}}$, представляющих собой единый ритмический комплекс. В этой связи речь следует вести не о двух, а об одном двухвершинном ударении; сходную акцентуацию можно предположить и для двух других комплексов, прежде всего, для /*(C)V*:/.

Наличие ритмического базиса создает лишь принципиальную возможность акцентных противопоставлений. Тем не менее, есть все основания возводить “новую” акцентуацию а также “новые” количественные различия, например, в скандинавских, балтийских и славянских языках (ср., *krava* с краткой нисходящей интонацией в сербо-хорватском и с краткой восходящей интонацией на месте акута в словенском; ср. долгий гласный в этой позиции в чешском) к состоянию, характерному для периода моросчитания.

То, что общность явлений, имевших место в отдельных индоевропейских языках (акцентуация, умлаут, гармония гласных, компенсаторные процессы), объясняется сходными условиями ритмического членения, позволяет по-иному взглянуть на проблему “языковых единств” (например, балто-славянского).

Вилия Лазаускайте (Вильнюс)

Об окситонезе имён существительных *o*-основы в южно-аукштайтском диалекте и в восточно-аукштайтском говоре виленчан (*vilniškiai*)

Данные говоры от литовского литературного языка отличаются большим количеством акцентуационных вариантов: в них по сравнению с литературным языком фиксируется тенденция к флективному ударению (более подробно см. [Skardžius, 1935, 35–42; Girdenis, 1967, 6; Mikulėnienė, 1996, 148–152] и др.)

Как нам представляется, чаще всего варьируют акцентуационные парадигмы с одной и той же слоговой интонацией ударного корня: первая — с третьей (ср. *klúonas* (1) ‘гумно’ Drsk Ž, Lz Ž, Rdm и *klúonas* (3) Drsk Ž, Zt Ž, Rdm, Kč, Vs), вторая — с четвертой (ср. *plūgas* (2) ‘пflug’ Lz Ž, Zt Ž и *plūgas* (4) Drsk Ž, Zt Ž, Rdm); также ср. [Stundžia, 1984, 88]. Обнаружено лишь несколько примеров вариантов, ударение которых изменяется вместе со слоговой интонацией корня (ср. *svīrnas* (3) ‘клеть, амбар’ Zt Ž и *svīrnas* (2) Drsk Ž, также — *svīrnas* (4) Drsk Ž, Lz Ž, Zt Ž, Rdm).

Наличие акцентуационных вариантов в данных аукштайтских говорах более часто трактуется как фонетическое явление, объясняемое слабым различием слоговых интонаций [Grinaveckis, 1997, 110–111] и др., сближением тональных характеристик восходящей и нисходящей интонации [Naktinienė, Paulauskienė, Vitkauskas, 1988, 8]. Однако сохранение форм с нисходящей интонацией (ср.

lénkus Acc.Pl. 'поляков' Drsk Ž, Kč / *lenkùs* Rdm) свидетельствует о том, что акут основы в этих говорах ещё не исчез окончательно [Mikulėnienė, 1996, 149].

Преобладание акцентуационных вариантов объясняется также влиянием славянских языков [Zinkevičius, 1996, 31; Grumadienė, 1992, 11], так как варианты чаще фиксируются в аукштайтских говорах балто-славянского пограничья — в Пунских, Зетельских и Лазунских говорах.

Однако акцентуационные варианты свойственны для всей территории южно-аукштайтских и соседних говоров, и развитие окситонезы, по всей видимости, может быть объяснено не только влиянием славянских языков.

Предпосылки для формирования флективного ударения, возможно, связаны с законом Ф. де Соссюра и Ф.Ф.Фортунатова, согласно которому краткий или циркумфлектированный корень "передаёт" ударение акутовой флексии [Būga, 1961, 44, 73]. С течением времени, возможно, возникают акцентуационные парадигмы, отличающиеся тенденцией к выравниванию ударения на окончании [Lazauskaitė, 1998, 27].

Стремление в южно-аукштайтских говорах перемещать ударение с акутированного корня на флексию форм Acc.Pl. (ср. *lėnkas* 'поляк': Acc.Pl. *lėnkus* / *lenkùs*) связывается с сохранением в исследуемом диалекте категории собирательного множественного числа [Mikulėnienė, 1994, 18; 1996, 152]. В результате совпадения форм простого и собирательного множественного числа в формах с *-ai* [Stundžia, 1994, 21] ударение на окончании в формах Ins.Sg. (ср. *lėnkas*: Ins.Sg. *lėnku* / *lenkù*) также может рассматриваться как случай выравнивания акцентуационной парадигмы.

Под влиянием обобщённого флективного ударения считается возможным появление циркумфлекса в акутированных корнях имён существительных *o*-основы и в единственном числе [Mikulėnienė, 1996, 152], ср. *dáiktas* (3) 'вещь' / *daiktas* (4), *žiedas* (3) 'кольцо' / *žiėdas* (4), *krėslas* (3) 'кресло' / *krėslas* (4).

С другой стороны, сохранению акута у существительных *o*-основы в формах единственного числа могли способствовать две акцентуационные модели ударения во множественном числе: модель постоянного ударения (ср. *káulai* 'кости', *káulų* 'костей', *káulams* 'костям', *káulus* 'кости'...) и модель подвижного ударения (ср. *káulai* / *kaulai*, *káulų* / *kaulų*, *káulams* / *kaulams*, *káulus* / *kaulūs*...)

Аста Ляскаускайте (Вильнюс)

Вокализм конца слова в юго-западной части южно-аукштайтского диалекта литовского языка

1. В исследованиях вокализма южно-аукштайтского (дзукского) диалекта литовского языка часто указывается, что он близок системе западно-аукштайтского диалекта и литературного языка. Однако эмпирические наблюдения показывают, что действительное положение значительно сложнее и что качество и количество гласных в значительной степени зависит от конкретной позиции.

В настоящем докладе более подробно рассматривается качество и количество гласных конечных слогов в исследуемом диалекте.

2. Как в закрытом, так и в открытом конечном слоге слова гласные по своей длительности отличаются от гласных срединных или начальных слогов: они являются более краткими. Кроме того, длительность гласных конечного слога варьирует в зависимости от позиции. Это подтверждают и результаты эксперимента, выполненного посредством компьютерной программы “PRAAT 3”.

3. Ударные долгие и краткие гласные конечного слога — как закрытого, так и открытого — по длительности превосходят безударные (например, после твёрдого согласного в закрытом конечном слоге длительность [u:] соответственно — 133 мс и 79 мс, в открытом конечном слоге — 71 мс и 65 мс). Отношения гласных в данной позиции можно представить следующим образом*:

$$\begin{aligned} [\underline{e}]/[-C] : [-]/[-C] &= 1,5 : 1 & [\underline{e}]/[-\#] : [-]/[-\#] &= 1,4 : 1 \\ [\underline{o}]/[-C] : [-]/[-C] &= 1,5 : 1 & [\underline{o}]/[-\#] : [-]/[-\#] &= 1,5 : 1 \end{aligned}$$

Длительность гласных значительно меньше зависит от закрытости или открытости конечного слога:

$$\begin{aligned} [\underline{e}]/[-C] : [\underline{e}]/[-\#] &= 1,2 : 1 & [-]/[-C] : [-]/[-\#] &= 1,1 : 1 \\ [\underline{o}]/[-C] : [\underline{o}]/[-\#] &= 1,1 : 1 & [-]/[-C] : [-]/[-\#] &= 1,1 : 1 \end{aligned}$$

Кроме того, на длительность гласных заднего ряда верхнего и среднего подъёма известное влияние оказывает твёрдость или мягкость предшествующего согласного (например, усреднённая долгота ударного [u:] в закрытом конечном слоге после твёрдого согласного — 133 мс, после мягкого согласного — 71 мс).

Статистическая обработка данных (критерий Стьюдента) показала, что долгие и краткие гласные достоверно различаются в ударном и безударном закрытых конечных слогах, а также безударном открытом конечном слоге, соответственно: $t = 2,60 > t_{0,05} = 2,18$; $t = 2,42 > t_{0,05} = 2,18$; $t = 3,01 > t_{0,05} = 2,26$. В ударном открытом конечном слоге доверительные интервалы долгих и кратких гласных пересекаются ([e] — 86,5 ÷ 155,8 мс; [o] — 68,6 ÷ 105,0 мс), $t = 1,93 < t_{0,05} = 2,23$, но всё-таки есть основания утверждать, что сравниваемые гласные по длительности различаются.

4. Данные исследования качества гласных свидетельствуют о том, что ударные гласные, как правило, произносятся более открыто и отличаются несколько более высоким тембром, чем безударные. Почти такое же отношение большинства гласных открытого конечного слога к гласным закрытого конечного слога. Качество так называемых слитных (однофонемных) дифтонгов (или, точнее, полифтонгов) [ie], [uo], артикуляция которых особенно сильно зависит от позиции, варьирует приблизительно так же, как у других гласных.

Палатальность или твёрдость согласного к качеству гласных заднего ряда верхнего подъёма не имеет отношения. Гласный среднего подъёма [ɔ:] после мягкого согласного произносится почти так же открыто, как и после твёрдого согласного. Статистически значимы различия F_2 ($t = 3,46 > t_{0,05} = 2,45$).

Следует отметить, что форманты кратких гласных часто близки к центру спектра (ср. гласный [a] в безударном открытом конечном слоге: $F_1 = 590$ Гц, $F_2 = 1420$ Гц). Следовательно, эти гласные, особенно в безударном положении, подвергаются редукции.

*Значения символов: [e] — долгий ударный гласный, [-] — долгий безударный гласный, [o] — краткий ударный гласный, [-] — краткий безударный гласный, [-C] — закрытый конечный слог, [-#] — открытый конечный слог.

Problēmas latviešu valodas patskaņu fonoloģiskajā klasifikācijā

Mūsdienu latviešu valodā ir 12 patskaņi, to stereometrisks attēlojums pēc precīzām artikulārajām un akustiskajām īpašībām nebūtu īpaši simetrisks. Šie patskaņi ir arī patstāvīgas fonēmas, kas spēj veidot minimālos pārus: *pīli* — *pīli*; *peļi* — *pēļi*; *retu* (/æ/) — *rētu* (/æ:/); *Muris* — *mūris*; *kazas* — *kāzas*; *lupu* — *lūpu*; *seja* — *sija*; *lupu* — *lapu*; *nes* (/ɛ/) 2Sg. — *nes* (/æ/) 3Sg. u.tml. Fonēmas /ɔ/ un /ɔ:/ latviešu valodā sastopamas aizgūtos vārdos (/ɔ:/ — *kols*, *basketbols*; /ɔ/ — *novembris*, *boja* u.c.) un izlokšnēs (/a/ → /ɔ/ — *moza*, *lopa* u.c.), tādēļ minimālo pāru nav daudz, piemēram, *māls* — *mols* (/a:/ — /ɔ:/); *klans* — *klons* (/a/ — /ɔ:/); *zēna* — *zona* (/æ:/ — /ɔ:/); *fēns* — *fons* (/ɛ:/ — /ɔ:/); *bija* — *boja* (/i/ — /ɔ:/); *kolu* (dzērienu) — *kalu* (/ɔ/ — /a/) u.tml. Vēl mazāk ir minimālo pāru ar /ɔ/ — /ɔ:/, piemēram, *tropi* (klimatiskā josla) — *tropi* (termins literatūrzinātnē); *Kols* (uzvārds) — *kols* (pieturzīme). Ņemot vērā klasiskās fonoloģijas diferenciālo pazīmju teoriju un A.Girdeņa pieredzi, izstrādājot lietuviešu valodas patskaņu fonoloģisko klasifikāciju, latviešu literārās valodas patskaņu fonēmu sistēma būtu šāda:

I. Garās fonēmas.

1. Priekšējās:

1) augšējā: /i:/,

2) apakšējās:

a) zemā: /æ:/,

b) nezemā: /ɛ:/;

2. Nepriekšējās:

1) augšējā /u:/,

2) apakšējās:

a) zemā: /a:/,

b) nezemā: /ɔ:/.

II. Īsās fonēmas.

1. Priekšējās:

1) augšējā: /i/,

2) apakšējās:

a) zemā: /æ/,

b) nezemā: /ɛ/;

2. Nepriekšējās:

1) augšējā /u/,

2) apakšējās:

a) zemā: /a/,

b) nezemā: /ɔ/.

Atšķirībā no lietuviešu valodas sistēmā atstāts fonēmu /ɔ/ — /ɔ:/ pāris (!), kas sastopams aizgūtos vārdos. Latviešu valodas patskaņu klasifikācijā uzsvērtā opozīcija augšējās — apakšējās (zemās un nezemās) fonēmas, jo augšējās izceļas ar īpašo funkciju diftongu komponentu veidošanā, kamēr lietuviešu valodā akcentēta opozīcija zemās — nezemās (augstās un neaugstās) fonēmas. Pētījumā pieļauta diskutējamo divskaņu /ie/ un /uɔ/ monofonēmiska interpretācija to komponentu nepastāvīgā rakstura, no citiem divskaņiem atšķirīgo akustisko un artikulāro īpašību, kā arī minimālo pāru veidošanas īpatnību dēļ. Tā kā /ie/ pirmā komponenta sākums atbilst priekšējās augstās fonēmas raksturojumam, seko virzība uz zemāku fonēmu, /ie/ vieta stereometriskajā modelī varētu būt starp /i:/ un /ɛ:/; savukārt /uɔ/ pirmā komponenta sākums atbilst nepriekšējās augšējās fonēmas raksturojumam, tam seko virzība uz zemāku fonēmu, /uɔ/ vieta varētu būt starp /u:/ un /ɔ:/. Referātā noliegti A.Gravas uzskati par dažādi intonētajiem garajiem patskaņiem (*ā*, *â*, *à* u.tml.) kā atšķirīgām fonēmām. Nav arī veidota opozīcija sasprigta — nesasprigta fonēma, jo tā nav konstatējama visos fonēmu pāros, piemēram: /a/ — /a:/. Ģeneratīvās fonoloģijas klasifikācijā par nozīmīgākām tiek uzskatītas artikulārās īpašības, tādēļ veidot latviešu valodas patskaņu matricu pēc šāda parauga ir vienkāršāk:

Pazīmes		Fonēmas											
		/i/	/i:/	/ε/	/ε:/	/æ/	/æ:/	/a/	/a:/	/ɔ/	/ɔ:/	/u/	/u:/
I. Galvenās	konsonants	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	sonorants	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
	zilbisks	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
II. Laringālās	balsīgs	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
III. Artikulācijas vietas	noapaļots	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+
IV. Dorsālās	augsts	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
	zems	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-
	pakaļējs	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
V. Manieres	nepārtraukts	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
VI. Kvantitātes	garš	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+

Юрий Владимирович Откупщиков (Санкт-Петербург)

Сонанты в структуре балтийского корня

1. Касаясь вопроса о древнейших сонантах, А.Мейе писал: “Архаичность литовского языка отчасти обнаруживается в сохранении системы сонантов, о которой он один из всех живых индоевропейских языков ещё и теперь даёт приблизительное представление”.

2. Одной из ярких фонетических особенностей не только литовского, но также и латышского языка является своеобразная “вариативность” сонантов в тавтосиллабической позиции.

3. В книге “Из истории индоевропейского словообразования” [Откупщиков, 1967, 164–190] мне уже приходилось писать об этой особенности. Так, индоевропейский корень **skeR-* / **skoR-* / **skR-* ‘раскалывать, расщеплять’, где *N* — это любой из шести сонантов, даёт (почти исключительно с суффиксами *-b-* и *-d-*) производные со значениями ‘щепка, осколок’:

- 1) лит. *skiedà*, лтш. *skāida* (и.-е. чередование *ei / oi*),
- 2) лтш. *šķelda*, ср. лит. *skaldà* ‘щепень’ (*el / ol*),
- 3) лтш. *šķerba(la)*, *skārba*² (*er / or*),
- 4) лтш. *šķemba*, *šķembe(le)*, *skām̃ba* (*em / om*),
- 5) лтш. **šķenda* (форма, восстановленная из *šķendele*, ср. *šķemba* и *šķembele*), *skanš* ‘leicht zu spalten’ — форма без суффикса (*en / on*),
- 6) лит. *skiáutė* ‘щепка, осколок’, лтш. *šķāusne*, *skaudre* ‘острый край, угол’, букв. ‘скол’ (*eu / ou*).

4. Для всех шести сонантов в словах со значениями ‘щепка, осколок’ и т.п. имеются родственные глаголы, означающие ‘рубить, колоть, расщеплять(ся)’:

- 1) лит. *skėidėti*, *skáidyti* (*ei / oi*),
- 2) лит. *skėldėti*, *skáldyti* (*el / ol*),
- 3) лит. *skersti* (< **skerd-ti*), *skardýti* (*er / or*),
- 4) лтш. *šķem̃belēt*, *skām̃bāt* (*em / om*),
- 5) лтш. *šķenēt*, лит. *skinti* (*en / ŋ*),
- 6) лтш. *skubīt* (*u*).

5. Попытки объяснить отдельные парные соответствия сонантов в составе корня метатезой плавных или ассимилятивно-диссимилятивными процессами едва ли можно признать убедительными, ибо перед нами — отчётливо выступающее системное явление, охватывающее все шесть сонантов на всех трёх ступенях классического индоевропейского чередования *e / o / Ø*.

6. В связи с приведёнными примерами возникают два естественные вопроса: 1) не является ли рассмотренная фонетическая особенность характерной только для данного корня (или группы корней) и 2) не ограничено ли данное явление рамками балтийского ареала. На оба этих вопроса следует дать отрицательный ответ.

7. Примеры типа *sargùs = saugùs* ‘бдительный’, *skardùs = sambùs* ‘звучный’, *saudùs = saldùs* ‘сладкий’, *áldra = áudra* ‘буря’ и мн. др. говорят о достаточно широком распространении анализируемого фонетического явления, которое далеко не ограничивается рамками одного корня.

8. Особенно характерны случаи, когда в составе корня “чередуются” более двух сонантов: *aidéti = aldéti = audéti* ‘звучать’, *dindéti* и *dundéti* (**dnd-*) = *dimdéti* и *dumdéti* (**dmd-*) = *dirdéti* и *durdéti* (**drd-*) = *dudéti* (**dud-*) ‘стучать, громыхать (о телеге)’ и др., *dildéti* и *duldéti* (**dld-*) ‘дрожать, трястись’. Во всех пяти случаях сонантный дифтонг отражает нулевую ступень огласовки корня с обычным двойным рефлексом (**r* > *ir* и *ur*, **n* > *in* и *un* и т.д.). Полная ступень огласовки корня засвидетельствована в лит. *dardéti* ‘грохотать, громыхать’.

9. Подобная “вариативность” сонантов — обычное явление также и за пределами балтийских языков. Так, др.-гр. ἀδελφός ‘брат’, наряду с основой ἀδελφ-, даёт рефлексы ἀδενφ-, ἀδερφ- и ἀδευφ-. Три из четырёх сонантных вариантов совпадают в этом случае с вариантами литовского слова со значением ‘дуб’: *ánžuolas* (> *ážuolas*), *áržuolas*, *áužuolas* (и *áižuolas*).

10. Очень часто сонанты варьируются в рамках разных индоевропейских языков. Например: **skel-t-os* > рус. щитъ, ср. лит. *skiėtas* ‘ноперечина в бороне’; **skel-t-os* > лат. *scūtum*; **skel-t-os* > гот. *skildus*, др.-анг. *sceld* ‘щит’. Другие примеры подобного рода см. [Откупщиков, 1967, 177 сл.].

11. По всей видимости, перед нами — фонетическая универсалия, точные хронологические рамки которой определить невозможно. В основе этой универсалии лежит нечёткая артикуляция сонантов в конце закрытого слога, характерная как для древней индоевропейской эпохи, так и для истории отдельных индоевропейских языков, включая современные диалекты.

12. Конечно же, поздними являются случаи типа рус. волк — блр. воўк или лит. *alkūnė* — *aikūnė* [Zinkevičius, 1966, 102, 164], а также лат. *alnum* → фр. *aune* ‘ольха’, лат. *altrum* → фр. *autre* ‘другой’ (с последующей монофтонгизацией: *ai* > *o*), и.-е. флексия Асс.Сг. *ā*-основ **-am* (*-an*) > **-om* (*-on*) > др.-рус. *o* (ж) > *ou*, с последующей монофтонгизацией: > *u*. Однако и в подобного рода (сравнительно) поздних примерах проявляются общие фонетические тенденции, истоки которых восходят к праиндоевропейской эпохе.

Литература

1. Откупщиков, 1967 — Ю.В.Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Ленинград, 1967.
2. Zinkevičius, 1966 — Z.Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Позиционные чередования согласных в русском и латышском языках

Русский и латышский языки, будучи генетически родственными языками, в то же время располагают такими фонологическими системами, которые отличаются друг от друга почти диаметрально. Русский язык в настоящее время относится к языкам консонантного типа, а латышский — к языкам вокалического типа (по классификации А.В.Исаченко). В системе русского консонантизма существуют хорошо развитые и тесные отношения между согласными фонемами, которые реализуются в различных позициях — и внутри морфемы, и на стыке морфем.

В центре русского консонантизма находятся две фонологические категории: глухость-звонкость и твёрдость-мягкость. По своей сути эти категории являются парадигматическими, так как они представлены значительным числом коррелятивных пар, которые в слабых позициях нейтрализуются.

Латышские согласные имеют значительно более слабо развитые системные связи, они более автономны по отношению друг к другу и взаимодействуют между собой только на морфемных стыках. При этом, в отличие от русского языка, действие фонетических закономерностей здесь не зависит от типа морфемного шва. Позиционные чередования, вызванные такими закономерностями, осуществляются одинаково как на стыке приставки и корня, так и на других морфемных стыках.

Причинами позиционных чередований согласных в латышском языке являются преимущественно ассимилятивные закономерности. Наиболее активно действует ассимилятивная закономерность по глухости-звонкости, она вызывает соответствующие позиционные чередования на стыке приставки и корня (*[adbildēt]* — *atbildēt*), на стыке корня и суффикса (*[kuobdams]* — *kopdams*), на стыке основы и флексии (*[laps]* — *laps*). В целом в русском языке позиционные чередования по глухости-звонкости осуществляются подобным же образом, но тем не менее имеются некоторые отличия. Во-первых, в латышском языке согласный *[v]* не участвует в позиционных чередованиях по глухости-звонкости, он никогда не нейтрализуется с согласным *[f]*, таким образом, их нельзя считать парными согласными по этому признаку. Вместо этого согласный *[v]* вступает в чередования с гласным *[u]*, образуя с предшествующим гласным позиционное дифтонгическое сочетание перед последующим согласным (*[tēvus]* — *tēvs*, но *[tēva]* — *tēva*). Во-вторых, в русском языке названные ассимиляции наблюдаются не только на морфемных стыках внутри слова, как в латышском языке, но и внутри морфемы (*[вагзал]* — *вокзал*), а также внутри синтагмы, на стыке разных слов (*[розб'елых]* — *роз белых*). Позиционные чередования по глухости-звонкости и в латышском, и в русском языках стабильны и устойчивы.

В латышском языке также имеет место ассимилятивная закономерность по локусу, но её действие ограничено двумя позициями в слове: на стыке приставки и корня (*[už:aut]* — *uzžaut*) и на стыке корня и суффикса или окончания (*[sveš:]* — *svešs*), при этом в последнем случае направление ассимиляции прогрессивное (в русском литературном языке ассимиляции всегда направлены регрессивно). В русском языке согласные тоже могут ассимилироваться по месту образования, однако сфера действия такой закономерности ещё более ограничена, чем в латышском, — только на морфемном стыке приставки и корня или на стыке предлога и слова внутри синтагмы (*бе[ш:'ч']удес*, *и[ш:'ч']ерпать* — *без чудес*, *исчерпать*). Позиционные чередования согласных по локусу в латышском языке стабильны и устойчивы, но в русском языке они начали разрушаться: в разговорной

речи очень часто вместо ассимиляции по локусу согласные уподобляются последующему звуку только по глухости или по звонкости (*[зж]еной* вместо *[ж:]еной* — *с женой*, *бе[сш]умный* вместо *бе[ш:]умный* — *бесшумный*).

В латышском и русском языках, кроме того, позиционные чередования согласных могут вызываться ассимиляцией по модусу. В латышском по этому признаку уподобляются согласные *[t]*, *[d]*, находящиеся в конце корня или суффикса, последующему *[s]*, являющемуся окончанием; в результате на второй ступени чередования появляется аффриката *[c]* (*[pac]* — *pats*, *[gaidīc]* — *gaidīts*). В русском круг позиционных чередований согласных, вызванных ассимиляцией по способу образования, значительно шире, чем в латышском. Здесь участвуют взрывные зубные перед щелевыми и аффрикатами (*о[ч'ш':]ёлкнуть* — *отицёлкнуть*, *пя[ц:]от* — *пятьсот*, *лѣ[ч':]ик* — *лѣтчик*). Эти чередования являются стабильными и устойчивыми в обоих языках. Однако в русском языке грамматика может “вмешиваться” в действие таких закономерностей и накладывать на них запрет, так, например, широко известен парадокс А.А.Реформатского (в императиве перед постфиксом *-ся* позиционные чередования по модусу не осуществляются: *не пя[т'с']я* — *не пяться*).

Только русскому языку присущи позиционные чередования согласных, вызванные взаимной прогрессивно-регрессивной ассимиляцией и ассимилятивными закономерностями по твёрдости-мягкости. Взаимная ассимиляция наблюдается на стыке приставки и корня (*и[ш':]ёркать* — *исчёркать*) и на стыке корня и суффикса (*гру[ш':]ик* — *грузчик*), она стабильна и устойчива.

Самыми активными и широко распространёнными в русском языке являются позиционные чередования согласных по твёрдости-мягкости. Но в настоящее время они в наибольшей мере подвержены разрушению. При этом в некоторых позициях, например, на стыке приставки и корня (*но[д']ём* вместо *но[д'']ём* — *подъём*), в позиции перед мягкими губными (*[дв']ерь* вместо *[д'в']ерь* — *дверь*), перед мягкими *[л']*, *[р']* (*[сл']ёзы* вместо *[с'л']ёзы* — *слёзы*, *[тр'и]* вместо *[т'р'и]* — *три*) они уже разрушены, в других позициях эти чередования находятся в стадии разрушения, и поэтому испытывают колебания в произношении.

Кроме того, позиционные чередования согласных в русском языке вызывают следующие фонетические закономерности: оглушение конечных звонких согласных перед паузой (*ро[ш]* — *рожь*), диэреза срединных взрывных согласных и начального *[л]* в трёхкомпонентных консонантных сочетаниях (*че[сн]ый*, *со[н]це* — *честный*, *солнце*), диссимиляция (*лѣ[хк]ий* — *лёгкий*). Эти чередования стабильны и устойчивы. Все перечисленные фонетические закономерности порождают многочисленные и разнообразные, пронизывающие насквозь русскую фонетическую систему, позиционные чередования согласных звуков. Итак, в русском языке чередуются глухие и звонкие согласные, твёрдые и мягкие, взрывные и *[л]* с нулём звука, зубные щелевые и нёбные щелевые, взрывные и аффрикаты. Бесспорно, позиционные перекрёстные чередования согласных занимают центральное место в фонетической системе русского языка, что свидетельствует о её парадигматической устроенности.

В латышском языке отсутствуют развитые коррелятивные отношения между согласными, поэтому в нём перекрёстных чередований согласных значительно меньше, чем в русском, здесь чередуются только глухие и звонкие согласные, зубные щелевые и нёбные щелевые, зубные взрывные и аффриката *[c]*. Все чередования осуществляются только в грамматически обусловленных позициях. Это объясняется синтагматической устроенностью латышской фонетической системы.

Lietuvių kalbos signalų duomenų bazės LTDIGITS akustinės-fonetinės charakteristikos

Pristatoma lietuvių kalbos signalų realizacijų duomenų bazė LTDIGITS pirmiausia skirta spręsti šiems uždaviniams: lietuviškų skaitmenų pavadinimų sekų atpažinimui (daug diktorių), lietuviškų valdymo komandų atpažinimui (daug diktorių), atskirų fonemų diskriminavimui. Pastarasis uždavinys yra aktualus ne tik lietuvių kalbai. Frazijų, įrašytų kalbos signalų duomenų bazėje, sąrašas pateiktas 1 lentelėje.

1 l e n t e l ė

Sekos nr.	Sekos turinys					
1–5	<i>trys</i>	<i>penki</i>	<i>keturi</i>	<i>vienas</i>	<i>devyni</i>	<i>nūlis</i>
6	<i>pradėti</i>	<i>baigti</i>	<i>sustoti</i>	<i>pauzė</i>	<i>laukti</i>	<i>tęsti</i>
7	<i>pirmyn</i>	<i>atgal</i>	<i>į pradžią</i>	<i>į pabaigą</i>	<i>sėkantis</i>	<i>pėrduoti</i>
8	<i>taip</i>	<i>nė</i>	<i>pagálba</i>	<i>sáugoti</i>	<i>start</i>	<i>stop</i>
9	<i>ma</i>	<i>na</i>	<i>mu</i>	<i>nu</i>	<i>mi</i>	<i>ni</i>
10	<i>Mikas</i>	<i>māto</i>	<i>nišoje</i>	<i>músu</i>	<i>nāmo</i>	<i>nūmeri</i>

Vienos sekos ilgis yra 6 žodžiai arba skiemenys. Penkios pirmosios frazės (1–5) yra rišliai tariamų lietuviškų skaitmenų pavadinimų nuo 0 iki 9, parenkami atsitiktine tvarka (PIN kodo ar telefono numerio modeliavimas). Sekančios trys sekos (6–8) yra izoliuoti tariamų lietuviškų valdymo komandų pavadinimai. Devintoji seka — tai šeši skiemenys, kur du nosiniai priebalsiai (*m*, *n*) tariami prieš tris kontrastingiausius balsius (*a*, *u*, *i*). Dešimtoje sekoje visi 6 devintos sekos skiemenys kirčiuotose pozicijose yra sujungti į rišlią frazę.

Kalbos fonetiniams elementams vaizduoti naudojami tarptautinės fonetikų asociacijos (IPA) simboliai. Vykdam tarptautinius ESPRIT projektus, skiriamosioms garsų opozicijoms žymėti buvo paruošta SAMPA (speech assesment methodology phonetic alphabet) [Wells, 1992] sistema, kuri buvo suderinta su IPA vienetais, kartu pažymint, kad konkrečiai kalbai tai yra susitarimo reikalas, neturintis tikslaus, nepriklausančio nuo kalbos fonetinio (auditorinio ar akustinio) ekvivalento.

Pripažįstama, kad kalbos signalų fonetiniam žymėjimui skirtų simbolių sistema yra kompromisas tarp fonetikos ir akustikos. Atsižvelgiant ir į kompiuterinio apdorojimo specifiką, siūlome tokią akustinio-fonetinio signalų žymėjimo (transkribavimo) sistemą.

1. Visi garsai, kuriems galima surasti angliškame tekste atitikmenį, kuris neprieštarauja toliau nurodytoms taisyklėms, žymimi taip, kaip juos rašome lietuviškame tekste.
2. Balsis *é* žymimas simboliu *y*, nenaudojamas specifinis nosinių ir ilgųjų balsių žymėjimas, o visi kirčiuoti balsiai žymimi didžiosiomis raidėmis.
3. Frikatyviniai *š* bei *ž* žymimi didžiosiomis raidėmis *S* ir *Z* atitinkamai, o *ch* — vienu simboliu *x*.
4. Sprogstamieji žymimi dviem simboliais: a) pauzė (stop closure) — mažąja raide; b) garso pradžia (stop release) — didžiąja. Pvz., priebalsis *p* žymimas *pP*. Suprantama, kad afrikatos yra sprogstamojo ir frikatyvinio elementų seka, pvz., lietuviškame tekste sutinkamas junginys *dž* žymimas *dDZ*.

5. Priebalsis *r* vieno balsio kontekste žymimas dviem simboliais: prieš balsį — Rr, po balsio — rR. Tarp dviejų balsių esantis priebalsis *r* rašomas taip, kaip lietuviškame tekste.

Taip atrodo keletas fonetinio transkribavimo pavyzdžių, sudarytų naudojant šias taisykles: *árti* (žemę dirbti) — ArRtTi, *artì* (netoli) — arRtTI, *dzũkas* — dDzUkKas, *žũklẽ* — ZukKLY, *chòras* — xOras. Siūloma sistema interpretuojama gana intuityviai ir turėtų būti pakankama LTDIGITS bazei. 2 ir 3 lentelėse pateikiamos LTDIGITS žodžių sekų akustinės-fonetinės transkripcijos (AFT).

2 l e n t e l ė

Tekstas	AFT	Tekstas	AFT
<i>nùlis</i>	nUlis	<i>penkì</i>	pPenkKI
<i>víenas</i>	vIenas	<i>šeši</i>	SeSI
<i>dù</i>	dDU	<i>septyni</i>	septTinI
<i>trỹs</i>	tTRrIs	<i>aštuoni</i>	aStTuonI
<i>keturi</i>	kKetTurI	<i>devyni</i>	dDevinI

3 l e n t e l ė

Sekos nr.	Akustinės-fonetinės transkripcijos					
	6	pPRradDYtTi	bBaIkKtTi	sustTOtTi	pPAuzy	lAukKtTi
7	pPirRmIn	atTgGAl	ipPRrAdDZe	ipAbBaigGa	sEkKantTis	pPErRdDuotTi
8	taIpP	nE	pPagGAlbBa	sAugGotTi	stTArRtT	stTOpP
9	mA	nA	mU	nU	mI	nI
10	mIkKas	mAtTo	nISoje	mUsu	nAmo	nUmeri

Siekiant automatizuoti duomenų bazės įrašų kaupimo darbą buvo adaptuotos per eilę metų paruoštos įvairios signalų apdorojimo procedūros, sukuriant 3 specializuotus programų paketus:

- signalų įvedimui ir kontrolei;
- žodžių ribų frazėje nustatymui;
- akustinių-fonetinių reiškinių atskirame žodyje nustatymui ir žymėjimui.

Literatūra

1. Wells, J.C., et al. Standard Computer-Compatible Transcription // ESPRIT Project 2589 (SAM): Final Report 1.3.91 – 28.2.92, 1992

Эдмундас Трумпа (Вильнюс)

Некоторые качественные различия гласных заднего ряда после *r, š, ž* в южно-аукштайтском говоре литовского языка

1. Одна из наиболее замечательных черт южно-аукштайтских окраин, контактирующих с белорусскими и польскими говорами — отсутствие мягких согласных *r, š, ž, č, dž* и (в западной части) *c, dz*. Если в некоторых пунктах этой территории ещё наблюдается умеренное различие твёрдых и мягких коррелятов *r, š, ž*,

то в окрестностях дер. Пеляса (Белоруссия, Вороновский р-н) эти фонемы реализуются только как твёрдые, лишены позиционной и йотовой мягкости (напр.: *turù* ‘*turiu, имею*’, *mažãũ*. ‘*mažiau, меньше*’, *ẓ̌iba* ‘*žiba, блестя*’). Эта диалектная особенность поддерживается двуязычием (артикуляционные базы литовского и белорусского говоров в данном случае схожи), однако указать на него, как на единственный источник явления, не позволяет хотя бы тот факт, что, по данным некоторых диалектологов (напр., Т.М.Судник), твёрдостью в окрестностях Пелясы характеризовалось такое архаичное явление, как так называемое “саканье” (произношение свистящих вместо шипящих, которое можно отнести к прусским реликтам), напр.: *syłtas* ‘*šiltas, тёплый*’, *zyrg’alis*, ‘*žirgelis, конёк*’.

2. Следовательно, казалось бы, должен отпасть вопрос о качественных различиях вокализма заднего ряда после указанных согласных. В результате исчезновения минимальных пар в говоре должны функционировать такие омонимы, как *rã.tas* ‘*ratas, колесо : retas, редкий*’, *šã.udo* ‘*šaudu, стреляет : šiaudu, соломину (Gen.Sg.)*’, *varãũ*. ‘*varau, гоню : variau, (я) гнал*’, *gražũ* ‘*graži, красиво : gražiu, красивым (Ins.Sg.)*’, и т. д. Чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, был проведён спектрографический анализ гласных сегментов, вырезанных из проблематичных минимальных пар (использовалась компьютерная программа “PRAAT 3”).

3. Общая картина результатов анализа в большинстве случаев показывает отсутствие противопоставленности гласных заднего ряда в зависимости от положения после “разных” *r, š, ž* — исконно твёрдых перед гласными заднего ряда или твёрдых перед *a < e* и прежним йотом. Из разделённых на 3 сегмента гласных звуков (12 пар, около 10 реализаций для каждого слова), были выделены F_1, F_2, F_3 . Во всех 54 позициях пересекались и почти полностью перекрывались доверительные интервалы формант. В 51 позиции критическая значимость t ниже t_{α} . Особенно плохо противопоставлены краткие гласные. Подтверждается влияние длительности на качественную редукцию: краткое $[a]$ (ударное или безударное) характеризуется, по сравнению с полудолгим ударным $[\overset{\cdot}{a}]$, пониженной F_1 и резко повышенной F_2 .

Кроме статистически значимого противопоставления $r[\overset{\cdot}{a}]tas : r[\overset{\cdot}{e}]tas$, в котором значения F_2 равны соответственно 1440 Гц и 1560 Гц (критическая значимость $t = 2,271 > t_{0,05} = 2,024$), лучше всего различаются гласные $[a] : [e]$ после *š, ž* (разница средних величин F_2 , хотя статистически и незначима, достигает нескольких десятков Гц), хуже — гласные после утративших йотовую мягкость согласных, особенно $[o] : [\overset{\cdot}{o}], [u] : [\overset{\cdot}{u}]$.

4. Однако иная картина открывается при более тонком отборе данных. Негативный результат не доказывает полного совпадения пар с задним вокализмом после *r, š, ž*. Различение заднего вокализма оказывается более ощутимым при учёте индивидуальных особенностей носителей говора (напр., у информанта М.К. F_2 гласных $[\overset{\cdot}{a}]$ и $[\overset{\cdot}{e}]$ на первом отрезке равна соответственно 1360 Гц и 1530 Гц, у информанта М.М. — 1650 Гц и 1780 Гц). В этом случае можно говорить об “умеренной контрастности” гласных на фоне общих колебаний. Тенденция “произвольности” остаётся та же: вероятность различий F_2 (показатель ряда гласного) зависит от качества (ряда) и количества (долготы) исследуемых звуков.

Vilma Šaudiņa (Daugavpils)

Lietuvas pierobežas sēlisko izlokšņu lituānismu adaptācija: prosodiskais aspekts

Vēstures dati liecina, ka latvieši un lietuvieši dzīvojuši vienuviet ne tikai pašā Lietuvas pierobežā, bet arī tālāk, piemēram, Latgalē.

Divu tautu saskares joslā dažādos laika posmos (ar dažādu intensitāti) izpaudusies latviešu-lietuviešu divvalodība. Dabiskas ir šā procesa sekas — leksikas aizgūšana. Tas ir sarežģīts process, jo parasti ir saistīts ar aizgūtās leksēmas fonētiskajām pārmaiņām un iekļaušanos citas valodas morfoloģiskajā sistēmā.

Ir izplatīts viedoklis, ka fonētiskajai adaptācijai* vairāk ir pakļauti senākie aizguvumi, taču pēc E.Haugena domām aizguvumu fonētisko adaptāciju ietekmē tas, ka 1) aizgūtajā vārdā var nebūt skaņu, kuras jāatveido aizguvējvalodā; 2) devējvalodas skaņu “izkropļošana” ir atkarīga no divvalodības pakāpes, nevis no aizguvumu hronoloģijas.

Raksturojot lituānismu prosodiju, ir jārunā par divām parādībām: 1) uzsvaru lietuviešu valodā un tā atveidojumu lituānismos; 2) intonācijām lietuviešu valodā un lituānismos.

1. Lietuviešu valodā un tās izloksnēs ir brīvais uzsvars, taču lituānismi latviešu valodā uzsvara ziņā lielāko tiesu ir pielīdzināti latviešu valodas pirmās zilbes uzsvaram. Tikai nedaudziem lituānismiem (apmēram 0,5%) pētījamās izloksnēs ir paturēts lietuviešu valodas uzsvars tajos gadījumos, kad tas ir nevis pirmajā, bet gan otrajā vai trešajā zilbē.

2. Pētījamā novada latviešu izloksnēs tiek lietotas divas intonācijas: krītošā un kāpjošā; krītošā intonācija atbilst latviešu literārās valodas stieptajai un krītošajai, bet kāpjošā — lauztajai intonācijai.

Lietuviešu valodā uzsvērtās zilbēs arī šķir divas intonācijas — krītošo un kāpjošo. Krītošā un kāpjošā intonācija ir arī austrumaukštaišu (sēlisko izlokšņu kaimiņu) izloksnēs, taču te sastopamas arī kāpjošās intonācijas modifikācijas. Tās ir vai nu īsāk runātas zilbes, vai zilbes ar pēkšņu toņa aprāvumu — tātad izrunā tuvinās īsai zilbei (Z.Zinkevičs).

K.Ancītis raksta, ka kāpjošā intonācija Aknīstes izloksnē ir veca, vecāka par uzsvara atvilkšanu uz pirmo zilbi un vecāka arī par citu izlokšņu laužto intonāciju. Taču to sastop arī daudzos nesen izloksnē ienākušos vārdos. Kāpjošā intonācija šeit radusies, atdarinot stiepto intonāciju vai spontāni. Arī aizguvumos tā varētu būt radusies līdzīgi. Īpaši bieži šādi izveidojusies kāpjošā intonācija ir sastopama tautosillabiskos savienojumos ar *r* (arī lituānismos).

S a k n e s z i l b ē s lituānismos kāpjošo intonāciju sastop ļoti reti (apmēram 1%). Daļai aizguvumu lietuviešu valodā atbilst kāpjošā, daļai krītošā intonācija.

Lielākai daļai lituānismu izloksnēs ir krītošā intonācija; lietuviešu valodā tiem lielāko tiesu atbilst kāpjošā intonācija.

P i e d ē k ļ u z i l b ē s ir vērojamas citādas atbilsmes. Kur latviešu izloksnēs ir krītošā, tur lietuviešu valodā ir kāpjošā intonācija, un otrādi — kur latviešu izloksnēs ir

*Aizguvumu pielāgošanās procesu apzīmē ar terminu asimilācija vai adaptācija. Mērķtiecīgāk, šķiet, ir izmantot terminu adaptācija, jo termins asimilācija tiek jau lietots, raksturojot noteiktus fonētiskus procesus.

kāpjošā intonācija, tur lietuviešu valodā ir krītošā intonācija; jo būtībā lituānismu piedēkļi netiek aizgūti, bet gan aizstāti ar atbilstošiem latviešu izlokšņu piedēkļiem.

Dažos gadījumos sastop paralēlus variantus intonējuma ziņā gan saknes, gan piedēkļu zilbēs (pat vienā izloksnē).

Par intonācijām no perceptīvā viedokļa sēliskajās izloksnēs — Biržos un Kaldabruņā (Bebrenes izloksnes daļa) — jau gadsimta pirmajā pusē ir izteikta atziņa, ka ļoti skaidri intonācijas var izšķirt tikai saknes zilbēs. Ātrā runā piedēkļu zilbju vairums klausītājam šķiet ar krītošu intonējumu, lēnā runā, piedēkļus izceļot, dzirdams noteikts kāpums.

Eksperimentāli pētījumi, ko Kaldabruņā veicis A.Sarkanis, rāda, ka pastāv abu intonāciju pretstatījuma pazīmes, tomēr ir vērojama šīs opozīcijas nivelēšanās, turklāt jaunākā paaudze intonācijas šķir ļoti slikti vai pat pavisam neatšķir.

A.Breidaks norāda, ka Latgalē pārlatvināto igauņu, lietuviešu un poļu izrunā krītošā un lauztā intonācija sakritušas vienā — krītošajā intonācijā. Domājams, līdzīga parādība ietekmējusi intonāciju svārstības un lielu krītošās intonācijas pārsvaru arī lituānismos.

Содержание

От редактора	3
Конференция по баллистике в СПбГУ	4
<i>I. Āboltiņa (Rīga)</i> . Zilbju robežas modeļi latviešu literārajā valodā	5
<i>A. В. Андронов (Санкт-Петербург)</i> . Некоторые проблемы морфологической интерпретации ударения в литовском языке	5
<i>Д. Аткачайтите (Вильнюс)</i> . Сокращение безударных долгих слогов в южно-жемайском Расейнском диалекте литовского языка.....	7
<i>Д. Балшайтите (Каунас)</i> . Восприятие твёрдости и мягкости литовских согласных носителями латышского языка.....	8
<i>А. Баньгере (Рига)</i> . Некоторые наблюдения над явлениями анаптиксы в латышских говорах.....	10
<i>А. Брейдак (Рига)</i> . Взаимное фонетическое влияние латгальских говоров и литовских говоров Латгалии.....	11
<i>О. Буш (Рига)</i> . Некоторые фонетические и морфологические явления при образовании латышских гипокористических личных имён	12
<i>Л. Ваба (Таллинн — Тампере)</i> . О рефлексгах прабалтской фонетики в балтизмах прибалтийско-финских языков	13
<i>N. Dvarionaitė (Klaipėda)</i> . Kuršininkų tarmės priegaidės	14
<i>А. Кайкиенė, D. Пакалнишкениė (Klaipėda)</i> . Balsių kaitos vaidmuo formuojantis lietuvių kalbos veiksmazodžiui	15
<i>D. Kiseliūnaitė (Klaipėda)</i> . Kuršių nerijos kuršininkų tarmės vardažodžių galūnių redukcija ir linksnių formų niveliacija	17
<i>I. Klēvere (Rīga — Sombatheja)</i> . Par trūkstošajiem skaņu apzīmējumiem latviešu rakstībā	18
<i>Ю. А. Клейнер (Санкт-Петербург)</i> . Морочитание: германский, славянский... ..	20
<i>В. Лазаускайте (Вильнюс)</i> . Об окситонезе имён существительных о-основы в южно-аукштайтском диалекте и в восточно-аукштайтском говоре виленчан (vilniškiai).....	21
<i>А. Ляскаускайте (Вильнюс)</i> . Вокализм конца слова в юго-западной части южно-аукштайтского диалекта литовского языка	22
<i>D. Markus (Rīga — Ohio)</i> . Problēmas latviešu valodas patskaņu fonoloģiskajā klasifikācijā	24
<i>Ю. В. Откупщиков (Санкт-Петербург)</i> . Сонанты в структуре балтийского корня.....	25
<i>Г. Питкевич (Даугавпилс)</i> . Позиционные чередования согласных в русском и латышском языках... ..	27
<i>А. Руджюнис, V. Руджюнис, P. Žvinys (Kaunas)</i> . Lietuvių kalbos signalų duomenų bazės LTDIGITS akustinės-fonetinės charakteristikos.....	29
<i>Э. Трумна (Вильнюс)</i> . Некоторые качественные различия гласных заднего ряда после r, š, ž в южно-аукштайтском говоре литовского языка	30
<i>V. Šaudiņa (Daugavpils)</i> . Lietuvos pierobežas sēlisko izlokšņu lituānismu adaptācija: prosodiskais aspekts	32